

18+

Сергей Максимович Ермаков

ЧУЖИЕ ИГРУШКИ

Часть 3

Сергей Ермаков

Чужие игрушки. Часть 3

«Издательские решения»

Ермаков С. М.

Чужие игрушки. Часть 3 / С. М. Ермаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852573-5

Жизнь не утруждает себя разнообразием сюжетов. У каждого игрока есть свои любимые дебюты, которые не всегда приносят успех.

ISBN 978-5-44-852573-5

© Ермаков С. М.
© Издательские решения

Содержание

Пазл 93. Опять невпопад	6
Пазл 94. А теперь, все сначала	10
Пазл 95. Новые песни придумала жизнь	15
Пазл 96. Просвет в повседневности	20
Пазл 97. Карл Иванович	25
Пазл 98. Новое занятие	29
Пазл 99. Чужие и свои территории	33
Пазл 100. Каждый сверчок знай свой шесток	37
Пазл 101. Возвращение	41
Пазл 102. Антикварный магазин	44
Пазл 103. Никитины нашлись	49
Пазл 104. Тенерифе	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Чужие игрушки

Часть 3

Сергей Максимович Ермаков

© Сергей Максимович Ермаков, 2020

ISBN 978-5-4485-2573-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пазл 93. Опять невпопад

Мысль, как птичка клюющая крошки, застучала в голове Николая:

– И что я готов рассказать отцу из всего этого? Про свои заграничные похождения? Про свою, так называемую, научную работу? А, по этого гада, который мне все это устроил молчать? Тогда как я отца спрошу про то, что он сидел в лагерях? Папа, а, правда, что ты сидел? А он мне, а ты откуда об этом сынок знаешь? Вот и выходит, что я от него правду утаил. Маленькую такую, неприятную. А, я ему, но ты ведь тоже мне не все рассказывал. Так и будем друг друга обвинять. Сейчас хоть знаем, что друг другу не врем. Не все говорим, но не врем друг другу. Опять тупик. А может плюнуть на все и рассказать все как есть. Николай поднял кружку и поднес ко рту. Чай остыл. Ладно, пора спать. Хромов лег и положил руки за голову. На потолке опять забегали ночные тени. Они успокаивали своей не суетливостью, и возвращали к воспоминаниям.

Айболит регулярно притаскивал на экскурсии различных людей для демонстрации уникальных способностей Хромова.

Николай относился к этому равнодушно. Пришли на экскурсию и его бывшие подопечные. На них это не произвело это никакого впечатления, для них это неожиданностью не было. Но, смотрели они на Николая с завистью и скрытой надеждой. В их глазах светилось вера, что и им когда-нибудь будет доступно его мастерство. Таскали Николая и в медицинский блок для исцеления раненых. Айболит расхваливал Николая на все лады, предлагал зрителям подписывать протоколы по уникальным возможностям Хромова. На Николая каждый раз, когда Хромов был в медицинском блоке испытующе смотрел военный медик, с которым он столкнулся после своего первого здесь боя. Но, больше он не пытался его расспрашивать. Единственно, о чем этот медик сумел договориться с Айболитом, это сделать биохимический анализ крови Николая, до и после того как он манипулировал с ранеными. Удалось это потому, что Айболит был заинтересован в этих анализах, в значительно большей степени, чем военный медик. Потом между этим военным медиком и Айболитом пробежала черная кошка и в медицинском блоке стали обходиться без Хромова.

Приводил Айболит к Николаю и штатного гипнотизера. Произошло это так. Айболит в очередной раз привел на экскурсию человека для демонстрации способностей Хромова. Николай разместился у амбразуры и ждал команд Айболита. Вдруг на него со спины накатила волна тумана с коричневым запахом. Волк оскалил зубы. Николай поинтересовался:

- Ты чего?
- Сам посмотри!
- Просипел Волк.

Николай подхлестнул свое внутренне зрение. На траве, между пожухлыми листьями застыл питон. Чешуйки на его шкуре поблескивали и переливались. Волк отбежал на безопасное расстояние, оскалился, поджал уши к голове и рычал. Николай констатировал увиденное:

- Видимо, подружиться не удастся. Как думаешь, чем его пронять можно?

Волк ответил:

- Да, наплевать ему на все твои штучки.
- Он все равно быстрее тебя, ты что не видишь?
- Думаешь?
- А, чего тут думать? Змею может убить только более сильная змея.

– А, мы попробуем. Плевок кобры его убьет. Но убивать и калечить его нельзя, а вот взгляд дракона на нем опробуем. Хотел познакомиться с уникальными способностями человека, получи, на блюдечке с голубой каемочкой.

Николай сосредоточился и зажег глаза дракона у себя за спиной. Айболит заволновался:
– Николай Федорович, ну что же вы? Давайте взрывайте правый объект.

Николай выпрямился и стал поворачиваться к тому, кто был у него за спиной. Айболит смотрел за действиями Хромова и возмущался:

– Николай Федорович, что это значит? Что происходит?

Хромов смотрел в лицо экскурсанту и молчал. Экскурсант тоже стоял с застывшими глазами. Внутренний взор Николая смотрел на питона. Питон прижал голову к земле и зашипел, скручивая тело в кольца. На загровке Волка шерсть встала дыбом. Николай улыбнулся:

– Подействовало. Не нравится ему, видишь ли. Ну что Волк приручать его будем?

Питон стал встревоженно и нервно скручиваться в кольца, пытаясь между ними спрятать свою голову. Он устрашающе разинул пасть. Было ощущение, что он готов к броску. Волк отшатнулся и поджав хвост присел на задние лапы:

– Его лучше убить. Жрать змея не буду, но хоть хорониться он него не нужно будет в лесу.

– Нельзя его убивать. Не поймут.

– А, он умом не тронется, как тот капитан?

– Ну это его дело. Но, не похоже.

Взгляд, стоявшего перед Николаем, наконец сосредоточился. Он закашлялся, со злостью посмотрел на Николая и вышел за дверь, не сказав ни слов. Айболит выбежал за ним. Николай продолжал сидеть в бункере полигона. Через какое-то время Айболит влетел назад:

– Что все это значит? Вы понимаете, что вы наделали? Боже мой, что теперь будет?

– А, что будет?

– Что будет? Следствие будет. Вы знаете на кого вы руку подняли?

– Я никого даже пальцем не тронул, и руку ни на кого не поднимал.

Айболит сел на стул, обхватил голову руками и забормотал:

– Все, это конец.

– А, что собственно произошло?

– Скажите, Николай Федорович, это так вы расправлялись с вашими врагами? Так?

Хромов смотрел холодным бесстрастным взглядом на Айболита:

– Но, ведь именно этого вы добивались от меня Эммануил Иосифович.

– Против врагов Николай Федорович! Против врагов. Вы знаете кто это был?

– Не знаю, но он повел себя как враг. Если нападают сзади, на размышление времени нет. Потом, я думаю, с ним ничего страшного не произошло.

– Ничего страшного не произошло? Он в медицинском блоке в обморочном состоянии.

– А, я тут причем?

– А, ты злой стал, Коля, беспощадный. Опасным ты стал Коля, ох, опасным.

Волк тихо прорычал:

– Чего он до тебя докопался? Тоже мне беда, ценный экземпляр зоопарка пострадал. Визжит, как будто ему на хвост наступили. Не фиг было выпускать этот экземпляр без присмотра.

Николай невозмутимо возразил Айболиту:

– Вы хотели из меня сделать боевую машину, Эммануил Иосифович. Как результат?

– Но, это же свой человек! Свой! Ты же сам переживал, когда тебе приходилось наносить травмы своим. Зачем вы так его приложили Николай Федорович?

– А, предупредить вы меня не догадались Эммануил Иосифович, что он свой? А, его предупредить, что нападать на меня не надо?

– Это была часть эксперимента. Он обещал мне помочь понять, что творится у вас в голове, когда сами производите воздействия.

– Неосторожное обращение с оружием, Эммануил Иосифович. Я оружие, Эммануил Иосифович, со мною так нельзя, как он себе позволил.

Айболит испуганно смотрел на Хромова:

– А, там, за границей, тоже было неосторожное обращение с оружием? Выходит, вы меня обманули, а я вас там защищал. Вы уже там были такой жестокий?

Айболит обхватил голову руками и тихо забормотал:

– И это я сам, я сам сделал своими руками. Сотворил чудовище.

Николай пытался его успокоить:

– Там все было нормально. Все живы и даже не ранены. И там было обычное разгильдяйство в обращении с огнестрельным оружием.

Волк тут же напомнил:

– А, Московин, а капитан Потапенко. Да, не переживай ты из-за ерунды. Охота есть охота. На охоте каждый думает, что охотится он, забывая, что и на него могут охотиться.

Николай осекся. Айболит продолжал причитать:

– Что теперь будет. Что теперь будет.

Хромов окончательно рассердился:

– Ну, что будет? Расстреляют?

– Не понимаю я вас, Николай Федорович? О чем вы думаете?

– Эммануил Иосифович, открою вам секрет. Меня никто не понимает. А, я не понимаю, чего от меня хотят. Я как Дед Мороз в новогоднюю ночь, исполняю любые желания. И в результате все недовольны.

– Нельзя так Коля. Нельзя!

– А, как можно, Эммануил Иосифович? Я просто дружил с девушкой. Выяснилось, что так нельзя. А потом, сразу после этого, в казарме спрашивают – «А, чего тебе в первом отделе сказали, зелень?». Я им, что, рассказывать должен был? Нет, конечно. Они дратья. Я, совершенно нечаянно, разозлился. Даже не разозлился, все само собой вышло. Дальше вы знаете. Вот, теперь скажите, в чем я виноват? Я, вам хоть раз сказал – нет? Все делал как вы хотите, как вы приказываете. Тогда в чем я виноват, я вас спрашиваю? А, все равно, виноват. В этой мотопехоте был виноват, потому что раненых не было, виноват в том, что укокошил столько диверсантов, что в это ни один нормальный человек поверить не мог. Даже ваш друг генерал, хотел сначала меня наказать, так для порядка. А, ведь и наказал бы, если бы не стечение обстоятельств. Вот эти ребята, которые сюда оттуда прибыли, они просто рядом со мною были. У них все нормально. Почему у меня нет? Ну, в чем я виноват? А, я вам отвечу! Потому что не понимают меня. Вот скажите. Я, что этому, вашему, который сейчас приходил, должен был позволить ковыряться в моей голове? Скажите мне, Эммануил Иосифович, если бы вам позвонили в квартиру, вы, что сразу, не спрашивая, кто к вам пришел и зачем, поведете незнакомца к комоду и покажете, где деньги лежат?

Айболит ошалело смотрел на Хромова и молчал.

Через день Айболит вошел в номер к Николаю и как-то кротко сказал:

– Я принес вам ответы на ваши вопросы Николай Федорович.

Он протянул Хромову книгу «Конек горбунок»

Через день он поинтересовался:

– Как Вам книжка, Николай Федорович?

Николай дружелюбно улыбнулся:

– Как вам сказать Эммануил Иосифович, очень верно подмечены тонкости жизни. Конец неправдоподобно очень оптимистичный. Собственно, я читал эту книжку в детстве, но перечитал с удовольствием. И вы правы. Ответы на вопросы в этой книге есть, но в них не верят.

Айболит с огорчением заговорил:

– Николай Федорович, вам несказанно повезло, судьба наградила вас таким количеством талантов, а вы все загубили своими собственными руками. Если бы мне так повезло как вам. Да, я бы. Да, я не знаю каких бы вершин достиг. А, вы. Эх!

Николай грустно посмотрел в окно:

– А, мы все мечтаем оказаться на месте другого. Вы на моем, а, я... Я мечтаю, покончить со всем этим, потом закончить институт, и медленно лезть к тем вершинам, которых вы уже достигли. Просто мы все не учитываем, что судьба, как вы говорите, нам не только дает что-то, но и отнимает. Вот отказался бы я от своей девушки. Спокойно дослужил бы в своей части и сейчас уже был бы на дембеле. Не знаю, как бы смог глядеть в глаза ей, ее брату, ее отцу. И с вами бы мы не встретились. И всех перипетий, которые со мной произошли, просто не было. Со всеми вытекающими последствиями. Спрашивается, что лучше? Или вы, Эммануил Иосифович, вы уверены, что, обладая моими талантами, как вы говорите, не наломали бы дров больше чем я? Вы, сами то, каким персонажем хотели бы быть в «Коньке горбунке»?

– Да, вы философ, Николай Федорович. Вы для меня открываетесь все с новых сторон. Мы бы вместе могли горы свернуть. Представляете, вы бы еще до поступления в институт могли бы стать соавтором научных работ. А, сейчас, вся тематика моих работ здесь на грани закрытия. Вся многолетняя работа коту под хвост.

– Знаете, Эммануил Иосифович, у меня ощущение, что я играю в чужие игры. Куда-то шел, и, вроде, никуда не сворачивал. И вдруг, оказался за игорным столом. Почему, зачем, как оказался? Не знаю, не понимаю. Шутки ради сыграл и выиграл. Повезло, и все стали ставить на меня. Снова выиграл, а, деньги у меня взяли и отобрали. Правда я за них и не держался. А, мне все объясняют, что, отобрали у меня их вполне справедливо, так как ничего то я не выиграл, потому, что столько выиграть просто невозможно. Я говорю, да возьмите вы себе все деньги, не надо мне ничего объяснять, только отпустите меня, Христа ради, отсюда. А, меня не отпускают. Говорят, э, нет, дружок, надо играть. Ты обязан играть, и все тут.

– Ну и воображение у вас, Николай Федорович. Богатое воображение. Но, шутки-шутками, а, что нам теперь делать, я ума не приложу. Неприятности уже посыпались. То ли еще будет.

– А, что случилось?

– А случилось, голубчик, то, что надобность в нас отпала. Говорят, а зачем нам этот уникам, у нас техника вон куда шагнула, взрывные устройства мы с помощью техники и собак обнаружим и уничтожим.

– А, в боевой ситуации, как там собаки и техника им помогут?

– Так, нет боевых ситуаций, голубчик. Закончились. Потом, у них вполне резонные возражения. Ты, говорят, обучение берсерков нового поколения можешь на поток поставить? Нет? Спасибо и до свидания. А, отдельные уникамы нужны также, как яичко к христову дню.

– Значит нужно стать нужными.

– Как? Поставить производство уникамов на поток, на конвейер? Об этом все человечество мечтает. Это, как по-вашему? Раз, и сегодня мы производим Эйнштейнов, чпок, и завтра наштампуют Капабланок и Алехиных, на худой конец Карповых. Так что ли? Не получается. Ни у кого не получается, голубчик.

– Ну, как говорится, чтобы сделать хорошую вещь нужен хороший материал.

– Материала полно, выходи на улицу, выбирай.

– Попробовать можно.

– Что попробовать?

– Ну, как говорят, прежде чем сделать ложки надо заготовить баклуши. Набрать людей для производства берсерков, попробовать можно? Викинги же набирали.

– Как? Как прикажите их выбирать?

– Ну, вы же меня выбрали как-то. И я тоже отобрал этих ребят. Семь из ста.

– Эх, Николай Федорович, ни чего я не выбирал, мне вас дали, можно сказать всучили.

– Но, я-то отбирал. И думаю семь из ста, это не плохой результат. Может мне, конечно, повезло.

Пазл 94. А теперь, все сначала

Айболит вяло, с кислой физиономией, поинтересовался:

- И как вы их отобрали?
- Смеяться не будете?
- Какой смех Николай Федорович? Слово даю, мне сейчас совсем не до смеха.
- По туману с розовым запахом.
- Не понял, ерунда какая-то. Туман с розовым запахом. Это как?
- Не знаю. Но, я это чувствую и они чувствуют.
- Вы уверены?
- Конечно. А, то как же мы взаимодействовали друг с другом, когда с диверсантами

боролись.

– Голубчик, а что же вы молчали?

– А, я по башке и так достаточно получил. Они вон не питюкали, у них все в ажуре. Я тоже, после всех этих приключений и перипетий, решил не высовываться. Чем больше молчишь, тем сам целей. Хотя, вы не поверите, Эммануил Иосифович, я полюбил гауптвахту.

Айболит отрешенно произнес:

– Розовый туман. А, это даже романтично.

Николай его поправил:

– Туман с розовым запахом.

Айболит задумчиво повторил:

– Туман с розовым запахом. Звучит красиво, но не научно. Тему под такие исследования мне не пробить. Это скорее подходит для песни, чем для названия научной темы. Айболит грустно пропел:

– Сиреневый туман над нами проплывает,
Над тамбуром горит полночная звезда
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,
Айболит сделал паузу и неожиданно завершил песню словами:

– Что с темой этой я прощаюсь навсегда.

Повисло скорбное молчание. Прервал молчание Николай:

– А зачем его в название запихивать?

Айболит уже скептически отрешенно спросил:

– Кого запихивать? Куда запихивать?

– Туман с розовым запахом в название темы. Назовите тему, скажем, обоснование выбора психотипов с наибольшей вероятностью склонных к проявлению паранормальных способностей. И все – успех обеспечен. Очень научно звучит.

Айболит тяжело вздохнул и продолжил:

– Если бы я предложил такое название темы Бокию, то как сыр в масле катался.

Если бы предложил в период с тридцать седьмого по сорок восьмой год, получил бы десять лет лагерей за пропаганду лженауки. Сейчас, все проще, тему признают не перспективной, отключают финансирование, а меня выкинут из обоймы. Вам-то Николай Федорович какой резон от продолжения моей темы? Чем дольше у меня будет финансирование, тем дольше вы здесь останетесь. Вы что, это еще не поняли? Нет, конечно, спасибо за заботу. Я вам очень признателен.

Хромов растерянно сказал:

– А, я как то не подумал об этом. Эммануил Иосифович.

Айболит лениво рассматривал Хромова подперев щеку ладонью, рукой опираясь о стол.

Прервал Айболит молчание неожиданным вопросом, означавшим, что мыслительный процесс в его голове не утихал:

– Они что, тоже могут взрывать гранаты на расстоянии.

– Нет. В бою только один такой нужен, иначе покалечим друг друга. Но кое-чем другим они владеют. Понимаете, Эммануил Иосифович, боевая группа, это как организм, некоторые люди в ней нужны в единственном экземпляре. Ну, не нужно человеку два желудочно-кишечных тракта и сердце у него одно и голова.

– Да, погодите вы, Николай Федорович. Не нужен никому сейчас ни универсальный солдат, ни универсальная боевая группа. Поток – нужен, конвейер. Хотя, это тоже, возможно, вежливая отговорка, для перекрытия финансирования. Да, похоже, перекрыл мне кислород тот человек, который по вашей милости в госпиталь загремел.

Айболит выпрямился и с нескрываемым восторгом продолжил:

Вот такие как он нужны. Они всегда в цене. Всегда нужны.

– Что, я так его серьезно приложил? Вроде все должно было обойтись.

Айболит грустно посмотрел на Хромова:

– Лучше бы не обошлось. Несчастный случай на производстве. Хотя нет, какой к черту несчастный случай, несчастный случай нам не нужен. А вот, скажем, умер как на боевом посту, это бы сошло. И финансирование никто бы не урезал.

Николай осуждающе посмотрел на Айболита:

– Так кто из нас злой и жестокий, Эммануил Иосифович? Я или вы?

– Да, бросьте вы Николай Федорович. Вы еще мне мораль читать будете. Это жизнь голубчик. Жизнь! А вы все в каких-то облаках витаєте. Нам финансирование перекрыли. Он нам его перекрыл, а я, что его за это расцеловать должен?

Хромов обескураженно замолчал. Айболит неожиданно продолжил:

– Так вы мне ответьте. Вы этому научить можете?

– Чему?

– Ну, взрывать все подряд на расстоянии.

– Не знаю. Попробовать можно.

Айболит задумался, пощипывая бородку

– А, что – это мысль.

Через некоторое время научное направление Айболита получило новый импульс. Несколько дней Айболит не появлялся. Но, потом появился довольный и важный:

– Это очень важно, когда голову посещают интересные и нужные мысли. Вот пришла мне в голову умная мысль, и мы ее опробуем. Значит так, Николай Федорович. С завтрашнего дня мы приступим к новому этапу нашей с вами работы. Эксперимент будет заключаться в следующем. Вы, под моим руководством, будете обучать людей производить взрывы на расстоянии. Для начала мы обкатаем эту методику на ваших бывших подопечных. Научите их обнаружению взрывных устройств на расстоянии и их подрыв. А, потом мы это дело поставим на поток. Я буду контролировать процесс обучения и методологически его оформлять. Так сказать, подгоню под это дело научный базис. С кого из ваших подопечных вы хотите начать?

Николай задумался. Волк забурчал:

– А, чего тут думать? Нюх это основное на охоте. Значит выбирай из кота, лисы, барсука и хорька. Если верховой нюх, то лиса, если в земле – то барсук. У хорька нюх отличный, но он разгильдяй, от него жди сюрпризов. Хотя, вот у кота и нюх хороший и осторожный он. Короче, кот охотник классный.

Николай поморщился и ответил:

– Попробуем с Булкина, а там видно будет.

На следующий день Хромов и младший лейтенант Булкин встретились на полигоне. Булкин улыбнулся:

– Здравия желаю, товарищ сержант.

– И тут же смутился.

Хромов дружелюбно отозвался и протянул руку:

– Здравия желаю, товарищ младший лейтенант.

Николай понял причину его смущения:

– Может обойдемся без званий, Леша?

– Я не против, Николай Федорович.

– Тебя как по отчеству?

– Иванович.

– Значит, Алексей Иванович.

– Так точно.

– Ты в курсе событий.

– Вроде да. Сказали, что вы меня будете обучать обнаруживать взрывчатые вещества на расстоянии.

– Попробую. Ты, Леша, раньше времени, не радуйся. Может не получится. Я, ведь, точно сам не понимаю, как я это делаю. Думаю, Волк нам поможет. Волка помнишь?

– Еще бы.

Встрял Волк:

– Наконец-то дождался. Сойти с ума, меня хвалят. Я нужен.

Леша улыбнулся. Появился Айболит с озабоченным лицом и сразу встрял в разговор:

– Значит так, Николай Федорович, вы приступаете к тренингу, а я буду документировать и вести протокол эксперимента. На какое расстояние поместим взрывпакет? Я думаю, что для обеспечения безопасности на расстоянии десяти метров от амбразуры.

Николай попытался внести коррективы в распоряжения Айболита:

– Эммануил Иосифович, давайте идти от простого к сложному. Обучение у нас идет в лабораторных условиях, а не в боевых. Отсутствие экстремальности снижает скорость обучения, но обеспечивает безопасность. Мы это уже проходили.

– Согласен, Николай Федорович. Вообще мы можем сделать товарищу младшему лейтенанту инъекцию адреналина.

– Эммануил Иосифович, адреналина недостаточно. Адреналин, в нашем случае, отличается от полного комплекса экстремальных условий как сахар рафинад от фруктового сахара. Не надо ни каких инъекций, мы все сделаем сами.

– Что значит сами? Я должен все контролировать.

– Да, конечно. Контролируйте. Нам для начала достаточно трех патронов. Нужно три патрона – обычный, трассирующий и зажигательный.

Айболит засуетился:

– Сейчас, сейчас. Сейчас все будет.

Айболит стал отдавать указания по телефону:

– Доставьте мне в блиндаж три патрона. Обычный, зажигательный и трассирующий.

Патроны принесли. Айболит достал большую общую тетрадь. Поджав губы он стал ее по линейке и стал командовать:

– Значит так. Николай Федорович, рассказывайте все внятно, чтобы я мог конспектировать. Айболит суетился, что-то записывал в свою тетрадь, заглядывал в лица, как Хромова, так Булкина. Николай и Булкин сели в позу лотоса и закрыли глаза. Волк бегал кругами и командовал Коту:

– Встань по ветру. Кончай умыться. Нюхай, нюхай. Не видишь?

– Ничего не вижу.

– Так ты нюхай, бестолковый. Не видишь?

– А, чего я должен видеть, когда нюхаю. Ты бы еще сказал – «Смотри внимательней. Какой запах видишь?»

– Ну, я не знаю, как ему объяснять. Чего он дурачится.

Николай Одернул Волка:

– Да, погоди ты. Ты его совсем с толку сбил. Котик успокойся. Успокойся. Тревогу чувствуешь?

– А как ты думаешь? Рядом волчара озверевший прыгает. Ерунду какую-то бормочет.

Николай мысленно попытался навести порядок:

– Волк успокойся, а лучше отойди, только не далеко. Я тебя позову, когда нужен будешь..

Волк потрусил между деревьев. Солнечные пятна зажигали искорки на кончиках волос его шерсти. Муравьи сновали между травинок, листва радовалась легким порывам ветра. Кот спокойно сидел и смотрел немигающими глазами. И только кончик его хвоста, который медленно стучал по земле, выдавал, что внимание Кота обострено. Николай выждал и снова спросил:

– А, сейчас, тревоги, опасности не ощущаешь?

– Нет, все нормально, все хорошо. Птички летают, наверное вкусные.

Прервал их сеанс Айболит:

– Ну, хорошо. Посидели, отдохнули и хватит. Когда приступим к сеансу обучения?

Булкин на слова Айболита не отреагировал. Николай открыл глаза:

– Эммануил Иосифович, а мы уже приступили.

– Как приступили? Я должен участвовать в этом.

Николай усмехнулся:

– Присоединяйтесь, Эммануил Иосифович.

– Как присоединяйтесь?

Николай вдруг понял, что он ни разу еще не заглядывал внутрь Айболита. Он сосредоточился. Туманом с розовым запахом даже не пахло. Витало что-то серое вперемежку с желтым. Пахло хлебом в деревенском доме. Запах был желтый. В голове мелькнуло:

– Интересно. А, где же зверь?

Внутренне зрение Николая преподнесло ему неожиданный подарок. Среди мусора и шелухи суетился Хомяк. Хомяк примеривался как утащить три патрона. О присутствии кого-то рядом с собой он не подозревал. Голос Айболита снова оторвал Николая от внутреннего созерцания:

– Николай Федорович, так как нам быть? Нужно как-то иначе. Я не понимаю что происходит и как и чем вы занимаетесь.

– А, вы присоединяйтесь, Эммануил Иосифович. А, запротоколируете потом.

– Что значит присоединяйтесь?

– Садитесь как мы и закрывайте глаза. И думайте о чем-нибудь приятном.

Вышел из своего состояния Булкин и с любопытством смотрел на то, как пытался в позу лотоса сесть Айболит. Лицо Айболита налилось кровью и покраснело, он кряхтел, но сесть в позу лотоса у него не получалось. Николай пособлезновал:

– Эммануил Иосифович, да не напрягайтесь вы. Садитесь как вам удобней, с таким расчетом, что не упадете, если уснете или отключитесь.

Айболит испуганно взвизгнул:

– Хромов, вы меня хотите загипнотизировать?

Николай попытался успокоить Айболита

– Я, не умею гипнотизировать. Но, вы же хотели к нам присоединиться?

Айболит с подозрением посмотрел на Николая, недовольно хмыкнул, но уселся на топчане, стоявшем в блиндаже.

Николай закрыл глаза и погрузился в созерцание. Кот насторожился, присел на передние лапы, поджал уши. Он тоже увидел Хомяка. Николай попробовал направить события в нужное русло:

– Леша, оставь хомяка в покое. Рядом с ним опасность видишь? Какого она цвета?

Кот сел с независимым видом мурлыкнул:

– Какая опасность? Это просто хомяк.

– А, еще что-нибудь чувствуешь?

Кот нервно ударил по земле хвостом:

– Мусор какой-то вонючий.

Пазл 95. Новые песни придумала жизнь

За спиной Николая раздался шепот Волка:

– Промашка вышла. Кот домашний. Он жил среди людей. На него никогда не охотился. Он не знает запах пороха. Ему плевать на патроны и взрывчатку. Он даже не подозревает, что они опасны. Кончай это дело, пошли побегаем.

Николай решил пошутить:

– Хомяка с собой возьмем?

Волк юмора не прочувствовал:

– Хомяка, так хомяка. Мне все равно.

Николай спокойно позвал:

– Кот, хомяк, пошли гулять.

Хомяк, похоже, осознал, что он не один. Он поднял мордочку и стал принюхиваться. Заметался и попытался спрятаться. Когда это не получилось, он забился в истерике. Николай скомандовал:

– Стоп. Все назад, домой.

Айболит сидел в обморочном состоянии, по его лицу тек пот. Николай извинился перед младшим лейтенантом:

– Извини Леха, не получилось.

– Федорыч, может в следующий раз получится?

– Нет, Леша, ты подо что-то другое заточен.

Алеусей с надеждой спросил:

– Подо что?

– Пока не понял.

Булкин обиделся:

– Что, раньше понимал, а теперь нет?

Николай стал оправдываться, чувствуя свою вину:

– Раньше была другая ситуация. Там была группа, каждый дополнял другого. А, сейчас вопрос другой. Кем тебе быть в одиночку. Ладно, пока. Надо Эммануила Иосифовича в чувство приводить.

Булкин с недовольным видом направился к выходу:

– Бывай.

Хромов стал осторожно трясти Айболита. Айболит очнулся и завращал глазами, сползшие в сторону очки, мешали ему видеть. Он испуганно проговорил:

– Это что было?

Николай с беззаботным видом его увещевал:

– Да ничего особенного.

Айболит стал рыться в кармане халата, достал таблетки дрожащими руками и проглотил одну:

– Николай Федорович, предупреждать надо, что вы собираетесь делать, чтобы это не было так опасно для участников эксперимента.

– А, о чем вы хотели, чтобы я вас предупреждал?

Айболит истерично закричал:

– О том, что мне пришлось сейчас испытать.

– Эммануил Иосифович это все равно, что предупреждать, идущих на охоту, что там будут стрелять.

– Вы же сказали, что не будет никакого гипноза. Я вам поверил.

– Никакого гипноза не было, было совместное погружение в подсознание.

– Вы меня собираетесь учить моей профессии?

– Не собираюсь я вас учить Эммануил Иосифович. Просто без этого не обойтись. Я думал, что погружение в подсознание для вас привычное дело.

– И, все-таки, я попросил бы, предупреждать о таких неожиданностях.

– Хорошо, Эммануил Иосифович, предупреждаю. В следующий раз, вы не увидите Кота, а увидите Волка и еще кто-то и кого-то. Кого точно я не знаю. Вам стало легче? Вы уж извините, но звери в ваших видениях будут присутствовать.

Айболит недоверчиво скосил глаза:

– А, от куда вы знаете, что я видел? Вы же сказали, что вы не гипнотизер.

– Я не гипнотизер. Я этого не умею.

– А, что вы умеете?

– Я думал, что вы это лучше меня знаете. Вы же психиатр.

Айболит поинтересовался куда делся Булкин, и вполне удовлетворился тем, что Леша ушел, потому, что сеанс обучения прошел неудачно. Скорее всего, Айболита интересовало его собственное состояние, в котором он не мог разобраться. Айболит вскоре, собрал свои карандаши, линейку и общую тетрадь, и ушел недовольным. Впоследствии, Эммануил Иосифович долго и неоднократно пытался, что и как делает Хромов. Но, видимо остался недоволен результатами своих расспросов. Несколько дней Айболит ходил сам не свой, а потом вошел к Хромову со словами:

– Обнадежили вы меня Николай Федорович, но видимо зря. Не получается у нас с вами ничего. Надо что-то делать.

– Эммануил Иосифович, я обещал попробовать обучить, тех кто пригоден для обучения, обнаруживать взрывчатые вещества. Оказалось, что это не во всех случаях это возможно – не все для этого подходят. Я делаю, что в моих силах. Остальное, изучать как я это делаю, научно обосновывать, это ваше дело. Я не прав?

– Да, вы не правы! Вы не правы, Николай Федорович. Вы думаете, если мой проект прикроют, то ваш контракт расторгнут и вас отсюда отпустят? Нет. Никто вас никуда не отпустит. Вас в лучшем случае пошлют на свинарник, а в худшем вас ждет дисбат.

– Эммануил Иосифович, мне надоело бояться. Боятся дисбата и другой фигни, извините за выражение. Я никогда не отказывался вам помогать, но не требуйте от меня невозможного.

Айболит продолжал нервничать:

– Николай Федорович, вы обещали научить еще, хотя бы, одного человека обнаруживать и обезвреживать боеприпасы. Извольте это сделать! И сделать это так, чтобы это можно было задокументировать и продемонстрировать другим людям.

– Давайте я попробую научить Мочалова.

Обучение младшего лейтенанта Мочалова прошло достаточно успешно. Он еще плохо различал, какие боеприпасы он обнаружил. Но, определение расстояние, на котором от него размещались боеприпасы, было вполне удовлетворительным для того, чтобы этим пользоваться в условиях, приближенных к боевым. Это дало новый торчок деятельности Айболита. Возобновились экскурсии. Неожиданно, Айболиту увеличили штат лаборатории и дали новые штатные единицы. Лаборатория Айболита выросла в отдел, в котором образовалось несколько лабораторий. Начальником лаборатории, в которой оказался Николай, стал невысокий молодой человек в звании майора. Майор был внешне вежлив предупредителен и дружелюбен. Но Николай, заглянув в него внутренним взором, увидел хамелеона. Звали его Валерий Александрович Птицын. Неизвестно каким образом, но Айболит вытребовал и бывших подопечных Хромова в свое подчинение. В это время Хромова увлекла идея выявления скрытых боевых склонностей его бывших подопечных. Кроме этого он почувствовал, что нащупал методику масштабирования взрывчатых угроз по отношению к ружейному патрону. Новый персонал, который не известно от куда появился, с легкой руки Айболита, всячески пытался продемон-

стрировать свою нужность и свою энергичную деятельность. Начались бесконечные совещания, на которых с умным видом все переливали из пустого в порожнее. Николая эта говорильня угнетала. Он всячески отлынивал от этих совещаний. И вскоре его на них перестали приглашать, чем он был очень доволен. Он попытался выбить у Айболита разрешение на привлечение Мочалова к отладке своей методики. Вечно занятый какими-то бумагами Айболит, не отрываясь от бумаг, кивнул:

– Нужно привлекай.

– Эммануил Иосифович, я бы хотел с вами посоветоваться.

– Слушаю вас, Николай Федорович.

– Эммануил Иосифович, мне кажется, что положительные результаты по обучению выявления боеприпасов на расстоянии даст методика масштабирования количества взрывчатого вещества относительно ружейного патрона.

Айболит, продолжая что-то писать, пробормотал:

– Хорошо, осваивайте эту методику, о результатах доложите.

Николай увлекся апробированием новой методики обучения. Но как только он провел с Мочаловым первое занятие, встал на дыбы Птицын:

– Я категорически запрещаю внедрять эту неопробованную методику. Есть методика Кронципера. Она вызывает доверие, в отличии от вашей, Николай Федорович. Повторяю, я категорически запрещаю пользоваться на практике вашей методикой.

– Валерий Александрович, мне приказал отрабатывать эту методику Эммануил Иосифович.

– Эммануила Иосифовича я сам поставлю в известность. У нас сейчас много дел, мы прорабатывает план мероприятий. Нам нужна смета на следующий год. В конце концов у нас идет согласование договоров и технических условий по подготовке специалистов для армии. Я вас прошу принять в этих работах самое активное участие. А, свои неопробованные методики, оставьте.

Николай вынужден был заниматься не понятной ему писаниной и сам себя уговаривал:

– Солдат спит, а служба идет.

Через некоторое время, неожиданно появился Айболит и объявил об общем собрании отдела. Также неожиданностью для Николая стало то, что совещание собрано с целью заслушивания его отчета о проделанной работе. Николай стоял за столом с другой стороны, которого размещался весь персонал отдела. Николай подробно рассказал о своих занятиях с бумагами. Неожиданно для Николая, Айболит спросил:

– Как идет отработка методики масштабирования опасности по ружейному патрону. Николай посмотрел на Птицына. Тот сидел как ни в чем не бывало и смотрел в глаза Николаю. Николай понял, что его в очередной раз подставили. Но он не терял надежды, что Валерий Александрович, встанет и повинится, что это он запретил заниматься методикой. Птицын молчал. Окончательно Николай убедился, что ничего Птицын не забыл, а просто ловко его подставил, когда Айболит с нотками сожаления произнес:

– Значит мне правильно сигнализировал Валерий Александрович, что вы товарищ Хромов, совсем от рук отбились. Решили почивать на лаврах? А, я возлагал на вас надежды.

Айболит с видом не допускающим возражений, подвел черту:

– Не оправдали вы моих надежд, Николай Федорович. Не оправдали.

Он демонстративно встал и направился к выходу со словами:

– Все свободны.

Николай мысленно выругался:

– Что, Коля, знаток человеческих душ и мыслей, утерли тебе нос? Поставили тебя на место. Думал ты тут незаменимый? Нет дружок. Ты, оказывается, не оправдал оказанного тебе доверия.

На душе опять было противно. Николай еще надеялся, что справедливость будет восстановлена. Время показало, что он ошибался. Новые реалии требовали от сотрудников отдела чего-то иного, чем умения и навыки Николая. Хромов в эти реалии не вписывался.

Персонал молча разошелся по своим рабочим местам. Вскоре была официально утверждена методика подготовки специалистов для армии, разработанная Кронципером. Методика позволяла достаточно грубо обнаруживать взрывную опасность, и не позволяла ее идентифицировать тип взрывного устройства. Так же, методика претендовала на использование ее в качестве теста на пригодность испытуемого к обнаружению взрывчатых веществ. Тем не менее в военном билете Николая появилась запись, что он старший лаборант спец лаборатории. Это было похоже на то, что Айболит пытался его морально поддержать новым назначением. Теперь в его обязанности входило производить предварительный отбор персонала для дальнейшего обучения. Занимался он этим обычно с утра. Ему приводили людей, и он их тестировал по методике Кронципера. Согласно тестов по этой методике, уникальными способностями обладали больше 60% кандидатов. Хромов мысленно сокрушался:

– Ведь Кронципер должен понимать, что его методика обладает серьезными изъянами. Он же сам этими способностями обладает. Пусть он сам ни разу активно не участвовал в экспериментах с подрывом боеприпасов, а только наблюдал это со стороны. Но чувствовать-то он должен, кто из кандидатов подходит для дальнейшего использования, а кто нет.

Борис Кронципер этого не понимал. Более того он всячески гордился тем, что именно ему принадлежит авторство методики. Об этом он не раз с чувством превосходства заявлял Хромову. Пока методика еще не была официально утверждена, Николай несколько раз пытался открыть глаза Борису на недостатки и ущербность методики, но неизменно получал один и тот же ответ:

– Мою методику подписал сам Эммануил Иосифович.

Николай, после появления предписания, что в исследованиях необходимо пользоваться только методикой Кронципера, не хотел бить по самолюбию Бориса, и обсуждать непригодность его методики постфактумом.

При этом Хромов не отказывал себе в удовольствии найти среди претендентов, на уникальные способности, личностей, обладающих туманом с розовым запахом. Он строил присланных ему людей и проходил мимо строя прислушиваясь к своим ощущениям. Иногда ему везло, он обнаруживал счастливых. Поначалу в надежде на то, что ему возможно доведется с ними поработать, Николай записывал их фамилии и другие данные. Но надежды таяли, как снег под лучами мартовского солнца. Сначала Николай перестал вести реестр индивидуумов, обладающих туманом с розовым запахом, потом перестал их искать.

На отдел Айболита посыпались заказы и договора от министерства обороны. Выполнение договоров сопровождалось дополнительными премиями. Дележка премий проходила кулуарно в кабинете Айболита. Все говорило о том, что Хромов был в этом празднике жизни лишним, и не входил в число особо приближенных к Айболиту. Он был, как пятое колесо в телеге – мешается, а выбросить жалко. Николая это не особо удручало, и он достаточно легко смирился со своим положением. Он искренне радовался тому, что его бывших подопечных не оставили обделенными. Хотя, те в его присутствии сетовали, что основную долю премиального фонда делят между собой Айболит, Птицын и еще несколько офицеров, которых в отдел привел Айболит. Не жаловались на жизнь и секретарши с офицерскими погонами. Николай решил, что надо радоваться простым вещам. Например тому, что занимаясь ненужной писаниной, он может урвать время для совершенствования собственных навыков. Его занятия по самосовершенствованию интересны были только Волку. Пока Николай занимался писаниной Волк откровенно грустил.

Однажды Николай курил у лабораторного корпуса. Мимо него на носилках почти бегом с полигона проносили человека. Волк, который до этого днями печально лежал, опустив голову на лапы, и смотрел вокруг, двигая одними бровями, поднял голову и рыкнул:

– Из стаи кого-то ранили.

Николай рванулся за носилками. На него шикали, чтобы не мешался под ногами. Но, в операционную он влетел вслед за носилками. В медицинском блоке Хромова, похоже основательно забыли. Люди в белых халатах замахали на него руками:

– Вон из операционной. Куда прешь?

– Вон от сюда.

Пазл 96. Просвет в повседневности

Люди в белых халатах замахали на него руками:

– Вон из операционной. Куда прешь?

– Вон от сюда.

Остановил их голос, видимо, того, кто был здесь главным:

– Не мешайте ему! В сторону! Дайте ему пройти.

– Стерильность будет нарушена, Карл Иванович.

– Я знаю, пропустите его.

А, Николай успел протянуть руку к расprostертому на столе человеку. Он начал медленно вести свою ладонь поверх простыни, под которой лежал раненый. Раненый был без сознания и даже не стонал. Волк рывкнул:

– Стоп! Здесь! Здесь держи руку! Напрягись. Дай мне силы.

На этот раз, все было значительно серьезней, чем в предыдущих случаях. Может это Николаю показалось с непривычки, после долгого отсутствия подобной практики. Николай чувствовал, как силы покидают его. Лоб покрылся испариной, колени подкашивались, а треск в ладони все не кончался. Когда все было закончено, Николай устало побрел к двери операционной. Со спины доносились голоса:

– Что это было?

– Куда делась рана?

– Смотрите шрам исчезает.

– Это кто такой?

– Уже у двери Николая кто-то подхватил под руку:

– Может чаю, коллега? С имбирем не пробовали?

Николай посмотрел через плечо, на человека в марлевой повязке:

– Не откажусь.

Лица человека из-за повязки Хромов рассмотреть не смог, но голос ему показался знакомым. В кабинете куда они пришли, врач снял марлевую повязку, и Николай его узнал. Это был тот самый врач, которого вытолкнул от него Айболит, ссылаясь на секретность. Врач похож был из неразговорчивых. Он молча воткнул вилку от алюминиевого электрического чайника в розетку. И стал ждать, когда вскипит вода. Он смотрел на Николая и молчал. Николай сидел в мягком кресле с деревянными подлокотниками и приходил в себя. Наконец, доктор протянул ему кружку. Николай сделал глоток и Волк возликовал:

– Это что за чудо? Вот что надо пить каждый день. Хоть, по чуть-чуть, но каждый день.

Николай выразил свою признательность словами:

– Я никогда не пробовал такой чай. С чем он, вы сказали?

– С имбирем. А, я такой чай очень люблю. Достать имбирь у нас невозможно, друзья привозят из командировок. Слава богу, в военных самолетах вес багажа не ограничен, а хранится он хорошо. Значит понравился чай?

– Очень, Большое вам спасибо за чай.

Военврач задумчиво, но с большой долей интереса осторожно спросил:

– И все-таки меня занимает, как вы это проделываете. Я понимаю, секретность, но хотя бы намекните коллега.

– Секретность здесь не причем. Это Эммануил Иосифович все выдумал. А, как у меня это получается, я не знаю. Просто выходит и все.

– Плохо верится. Это, что-то из области сказок. Если бы сам не видел, не поверил никогда. А, когда вы обрели эту способность? В детстве?

– Нет, я об этом сам ничего не знал. Случайно получилось, в первый раз, как раз тогда, когда вы к нам пришли, а мне кардиограмму снимали.

– Фантастика. Мы так и не познакомились.

Врач встал:

– Позвольте представиться. Майор медицинской службы Карл Иванович Зенфельд. Из поволжских немцев.

Николай подскочил:

– Сержант Хромов Николай Федорович. Из русских.

Они дружески рассмеялись родившемуся каламбуру и пожали друг другу руки:

– Будем знакомы. Коллега, вы меня, прямо скажем, поставили в тупик. Очень хочу знать, как вы это делаете. И не знаю на какой кривой кобыле, к вам подъехать.

– Я рад бы вам помочь, но я действительно не могу этого объяснить. Я не знаю, как это происходит. Хотя, может быть я знаю, как вам помочь.

У Николая в голове мелькнула мысль:

– Да какая разница для чего, для боя, для войны или для других целей, нужен туман с розовым запахом? Главное надо попробовать искать применение в жизни его носителям.

Николай посмотрел на Волка:

– Поможешь?

Волк отстраненно огрызнулся:

– Ты, что, всех хочешь облагодетельствовать? Еще не все тебя тумаклами отблагодарили?

– Да ладно тебе. Этому бедняге сейчас помогли, ты, ведь вроде, был согласен.

– Так он в отключке был. Не узнает, не полезет со своею дурацкой благодарностью, не наделает глупостей.

– Кончай вредничать! Тебе, что, жалко?

– Ты сначала посмотри кто он, кому помочь собираешься, а уж потом обещаешь. Благодаритель хренов.

– А, ты видел уже.

Волк усмехнулся:

– Я то видел, теперь ты посмотри.

Николай настроился и сосредоточился. Передним поплыл туман с каким-то непонятным цветом. Терпкий запах пурпура плавно переходил в запах свежести индиго, по которому шли пятна с запахом оранжевого шафрана.

Николай отметил про себя:

– Не слабо. Ну и кто он? Что за зверь?

Сначала Николай увидел два глаза в глубине которых была беспощадность и жестокость. Потом темные пятна на палой листве сформировалось тело леопарда.

Волк тихо рыкнул:

– Ну что, желание не пропало?

– А чего ты собственно боишься?

– Ну это тебе не Кот Булкин. Мне как то тревожно.

Леопард оскалил усатую морду, фыркнул и коротко рыкнул. Он явно видел и Николая, и Волка. Но признаков тревоги или страха не проявил. Не по себе стало Николаю. Он спросил Волка:

– Думаешь я с ним не справлюсь.

Волк осторожно заметил:

– Ты же с ним, кажется, дружить собрался, а не драться.

– Ну и что?

Волк с осторожностью и сарказмом хмыкнул:

– Давай. Попробуй. Подружись.

Чувствовалось, что Волк готов бежать со всех ног, не оглядываясь.

Николай спросил и услышал фальшь в своем голосе:

– Дружить будем?

Леопард рванулся к Николаю и застыл в угрожающей позе. Он оскалил пасть, продолжая пружинисто и плавно переступать лапами в направлении Николая. Как ни странно Волк не смылся, а тихо зарычал:

– Покажешь ему свой страх и нам с тобой конец. Я вообще этих больших кошек никогда не понимал. Но, у тебя может получиться.

– Почему?

– А, вы кошки наглые. Ты приглядишься, он тебя тоже боится. Он просто не хочет дать тебе пометить территорию.

– Ну и чего делать?

– Чего, чего. Не знаю. Это его территория, он ее без боя не отдаст и на нее тебя не пустит. Зверь в силе. Не советую с ним тягаться. Это его территория, здесь он в два раза сильнее.

Но, как же он тогда разрешил мне лечить там в операционной?

– Он же не дурак, и у него свои понятия и законы, всех кого он опекает, считает своими детьми, а за них он готов на многое пойти. Но, потом не задумываясь порвет любого за свою территорию. Короче, валим домой.

Николай посмотрел в глаза майора. В них застыла решимость и бескомпромиссность. Николай подумал:

– Похоже, Волк прав.

В Николае боролись два чувства. Желание помочь боролось с чувством безысходности сложившейся ситуации. Он виновато посмотрел в глаза майора:

– Можно попробовать научить лечить как я, но не здесь.

– Почему?

Николай попытался уйти от прямого ответа:

– А, вы готовы научиться лечить как я?

Зенфельд не задумываясь ответил:

– Конечно!

Николай бросил Волку:

– А, ты говорил, что нет.

– Я, не говорил, что он не хочет, я говорил, что из этого ничего не выйдет. Я здесь, язык под лапу этой кошки не суну. Тащи его с его территории. А, там посмотрим.

– А, где кончается его территория?

– Там где нет его больных.

– А, кого лечить будем?

– Кого, кого? Тебя. Руку себе резанешь – он купится. Обязательно будет пробовать. Пока он на чужой территории растеряется, я могу попробовать под его руку язык сунуть.

– Не испугаешься?

– Не испугаюсь.

– Пробуем. Я на крыльце руку располосую.

Николай посмотрел на майора:

– Карл Иванович у вас ножик есть?

– Скальпель подойдет?

– Подойдет.

Зенфельд протянул Николаю скальпель.

– Товарищ майор пойдете на крыльцо.

– Зачем?

– Пойдемте.

На крыльце Николай скальпелем быстро сделал себе глубокий разрез на тыльной стороне левой ладони и посмотрел на Карла Ивановича:

– Положите руку на мой порез.

Майор спокойно посмотрел Николаю в глаза:

– Я не умею это делать. Вы зря разрезали себе руку. Идемте в операционную, сержант там я вас заштопаю. Или хотите продемонстрировать мне свои способности?

Волк зашептал:

– Рывкни на него, сбей с него спесь.

И, Николай рывкнул:

– Никуда мы не пойдем. Здесь и сейчас. Положи свою руку на мою. Забудь обо всем что знаешь. Хочешь уметь, что умею я, тогда клади руку.

Зенфельд оставался невозмутим:

– Я этого не умею!

– Клади руку, трус! Клади руку!

И майор положил руку. Николай почувствовал движение шершавого языка Волка на своем разрезе и услышал как он лакает.

Залечивание раны прошло быстро. Николай накрыл руку Карла Ивановича своей правой ладонью:

– Что почувствовал?

– Сержант, вы, что меня за ребенка считаете. Я знаю, что я этого не умею. Вы зря меня пытаетесь убедить, что это сделал я. И, будьте любезны, не тыкайте мне. Я старше вас и по возрасту и по званию.

Волк прошептал:

– Все, кранты. Я так и думал, что этим кончится. Все кошки упертые, хуже ослов. Упрутся с места не сдвинешь. Пошли, не трать зря время. Он ни за что не поверит, что это он сделал.

Хромов почувствовал неловкость и покраснел. Николай с сожалением посмотрел на майора и извиняющимся тоном пролепетал:

– Прошу прощения, товарищ майор, не хотел вас оскорбить и обидеть. Извините, что оторвал у вас время. Спасибо за чай. У меня дела. Извините. До свидания.

Майор смотрел в след удаляющемуся Хромову. Николай почти физически ощущал этот взгляд у себя на спине. В этом взгляде умещалось и презрение, и уважение, и жалость, и восхищение. Несколько дней они не виделись. Дни летели один за другим, и убивали своим однообразием и скукой. Беседы с Волком тоже не удавались. Волк к разговорам особого интереса не проявлял. Николай все же спросил:

– Так что, майор так и успокоится?

Волк лениво отозвался:

– Конечно нет, все кошки любопытны и мстительны.

– Что и я тоже? Упрямый, любопытный и мстительный?

Волк безразлично смотрел на Николая из-под бровей:

– Ты не совсем кошка. Хотя если интересуешься майором, значит тоже любопытен.

– А, вот ты говоришь мстительны. Почему тогда майор не отомстил Айболиту за то, что он перекрыл ему дорогу ко мне.

Волк презрительно ухмыльнулся:

– Кошки еще и гордые и не унизятся до мести тем, кого они считают ниже себя. А, майор явно не считает нашего хомяка себе ровней. Хотя, на сколько мне известно, обычно с мезью своим хозяевам спешат только домашние коты. Они, не откладывая свою мезь в долгий ящик. Они сразу мочатся в ботинки хозяина, за обиду. Они, как бы, метят территорию, намекая, что только они здесь хозяева, остальным лучше уносить ноги, в том числе и хозяину. Большие кошки не спешат с мезью. Они вообще поглощены самими собой. Это мы волки, без стаи

чувствуем себя потерянными, поэтому мы интересуемся, тем, что вокруг нас, и личная месть у нас – это месть которую, может позволить себе только вся стая. Короче. Он будет искать с тобой встречи, но так, чтобы не потерять свое достоинство.

Пазл 97. Карл Иванович

Действительно они встретились как будто случайно, когда Николай, будучи в увольнении, возвращался после неудачного похода на почту. Это был его первый и похоже последний поход на местную городскую почту. Николай взял в руки бланк и встал к высокому столу в зале почты. Он собирался сделать денежный перевод домой, и тут напротив него остановился мужчина в гражданском костюме, с безразличным выражением на лице. Вкрадчивым голосом, но с повелительными нотками, мужчина обратился к Хромову, положив ладонь на бланк, который он заполнял:

– Вам не разрешено пользоваться почтой за пределами вашего места службы. Все почтовые отправления будьте добры делать в установленном порядке. И, не надо конфликтовать – я на службе.

Николай молча покинул почту. Была суббота. Майор шел по улице на встречу Хромову. Он был в гражданской одежде. Поравнявшись с Николаем, протянул ему руку:

– Здравствуйте, товарищ сержант.

Николай посмотрел себе на плечи. Нет, он не забыл переодеться в гражданскую одежду, уходя в увольнение – погонов на плечах не было. Он в ответ протянул с усмешкой руку:

– Здравия желаю, товарищ майор.

Зенфельд понял свою ошибку:

– Николай Федорович вы располагаете временем?

– Ну, до некоторой степени.

– Не составите мне компанию? Я хочу посетить ресторан.

– С удовольствием Карл Иванович, при условии, что не будем пить горячительных напитков.

– Почему?

– Ну во-первых за мною следят, во-вторых, деньги которые при мне я хотел послать родным, и не готов их тратить на собственные развлечения. Но, чтобы посидеть в ресторане, не шикая, я себе могу позволить.

– О деньгах, Николай Федорович, можете не волноваться, у меня денег хватит.

– Не люблю, когда за меня платят.

– Если понадобится, я вам просто одолжу деньги, дам в займы. Вы не против?

– Спасибо.

– А, на счет слежки вы конечно пошутили?

– Нет, не пошутил.

Николай сосредоточился и сообщил Зенфельду:

– В десяти шагах от нас человек читает газету на стенде. Это по мою душу.

– Коллега, а вы не страдаете излишней мнительностью или самомнением?

– Возможно. Но, именно по этой причине я редко хожу в увольнения. Не люблю, когда за мною следят. Идти в увольнение, чтобы уходить от слежки, как-то безрадостно и тоскливо.

– Вы говорите увольнение? Вы на срочной службе?

– Так точно. Уже больше четырех лет на срочной службе.

– Это как?

– Да, так. Карл Иванович, мне не хочется об этом распространяться, особенно на улице. Я думал, что место, в котором мы имеем с вами честь служить, даст вам ответ на ваш вопрос.

– Ну, что двинемся в ресторан?

– Двинемся.

Их заказ приняли в ресторане. Николай ждал. Ему было интересно, как Карл Иванович приступит к щекотливому разговору. И майор начал:

– Николай Степанович, зачем вы меня хотели обмануть? Зачем вы пытались меня убедить, что это я залечил вашу рану? Я попробовал потом, у меня ничего не получилось

– Я вас не обманул Карл Иванович. Просто, вы тогда не сосредоточились, а главное не поверили. Тут, действительно, я виноват, не подготовил вас, в смысле морально не подготовил. Надо было все проделать в более спокойной обстановке. А, я поспешил, там могли появиться люди, могли неправильно все истолковать. Но главное вы так и не смогли уловить свои ощущения, а это важно. Хотите еще раз попробовать, но не сразу, а постепенно?

– Можно попробовать. Когда?

– А, сейчас, здесь. Только давайте не спешить. Вы должны все почувствовать и поверить в свои силы.

– Здесь? Как вы себе это представляете? Тут полно людей.

– Не бойтесь, ни кто ничего не увидит, а увидит – не поймет. Хотите?

– Может не здесь?

Волк заворчал:

– Я же тебе говорил, кошки любопытны, но осторожны. Дожимай. Здесь не его территория. Здесь ты с ним поладишь.

– Уверен?

– Давай. Будет отличная прогулка. Будет отличная охота. Если он меня не сожрет.

– Боишься?

– Да, давай! Не бойся! Меня еще ему догнать надо.

Николай попытался сделать убедительное лицо:

– Все будет нормально. Сядьте поудобней. Спину держите прямо. Закройте глаза. Думайте о приятном.

Легкий ветерок обдал сознание Николая букетом запахов. Перемешивались и отделялись друг от друга свежесть индиго, терпкость пурпура и солнечность шафрана. Морда леопарда выплыла из тумана. Леопард стоял в нерешительности и смотрел с опаской. Николай мягко спросил:

– Дружить будем?

Леопард рывкнул и на этот раз попятился, а не попытался атаковать как в прошлый раз. Волк стал ерничать:

– Чего ты парень, у нас здесь много вкусного. Не бойся мы поделимся. На всех хватит.

Леопард рыкнул и сделал нерешительный короткий бросок в сторону Волка.

Волк отскочил и потрусил за спину Николая:

– Ты чего парень? Дикий что ли совсем? Не хочешь есть, просто давай поохотимся. Охотится любишь, или одичал в зоопарке?

Леопард в нерешительности остановился и слегка приоткрыл пасть нервно шевеля длинными усами. Николай снова спросил:

– Ну чего? Дружить будем. Вместе веселее.

Леопард откликнулся:

– Не сожрете?

– А, ты смешной. Зачем нам тебя жрать. У нас еды много. Охотиться вместе с нами будешь?

– А, чего куда то бежать, суетиться, давай эту собаку сожрем. Я тебе точно, говорю, собаки вкусные.

– Какую собаку?

– А, рядом с тобой, которая крутится?

Николай шепнул Волку:

– Похоже он тебя за собаку принял.

– Вижу. Ладно я пошел. Когда подружишься с ним, и поставишь все на свои места, позови.

Волк растворился.

Николай открыл глаза и посмотрел на майора. Он сидел с закрытыми глазами, лицо было спокойно. Николай тихо позвал:

– Карл Иванович, откройте глаза.

Зенфельд открыл глаза, как будто ждал этого. Взгляд его был спокоен. Николай поинтересовался:

– Что вы видели сейчас Карл Иванович?

Зенфельд усмехнулся:

– Как будто ходил на охоту. Охотился на волка.

– Вы охотник?

– Да нет. Я скорее ближе к земле. Вырос в деревне. Колхоз, огород. Не до охоты было. Максимум на рыбалку с мальчишками ходил. Странно. Может мне охота привиделась потому, что коллеги ружье подарили? Так за книжным шкафом и стоит.

– Простите меня, Карл Иванович. Не получится у меня научить вас залечивать раны руками. Осечка вышла. Не получается.

– А, часто у вас бывают осечки Коля? Ничего, если я вас просто по имени буду звать.

– Я этому даже рад, Карл Иванович. А, то чувствовал себя не в своей тарелке. Относительно осечек, эта вторая. Вернее в вашем случае это не осечка, даже. Я неточно выразился.

– А, что?

– Понимаете Карл Иванович, мне приходилось иметь дело с молодыми людьми, я мог на них воздействовать. А, у вас уже, как это правильно сказать. Вы уже сформировавшаяся личность. У вас уже сформировался внутренний стержень.

– Это плохо?

– Думаю, что хорошо. Но мне, как говорится, вы не по зубам. Да и переделывать вас, мне кажется не стоит. Извините.

Зенфельд был целеустремлен и думал достаточно быстро:

– Ну, а других моих сотрудников научить сможете?

– Карл Иванович, это не совсем учеба, это скорее мысленное взаимодействие. Вы сами это почувствовали. Для него не все люди подходят. Вот вы подходите, но вы мне не по зубам. Я могу проверить ваших сотрудников, подходят они или нет. Пусть приходят на полигон, я там всех проверяю.

Официант принес заказ. Николай и Карл Иванович дождались, когда он уйдет.

– Ты меня заинтриговал, Коля. Значит я подхожу, но, тебе я не по зубам. А кому я по зубам?

– Я не знаю, Карл Иванович. Я много чего не знаю. А, чего вы хотите добиться? Правда, разочарую вас, вы только думаете, что хотите научиться тому, что умею я. На самом деле, вы хотите не этого, а совсем другого.

– А, чего?

– Ну, мне кажется, вы хотите управлять. Пожалуй, вы хотите руководить, скажем проведением нескольких операций сразу, или что-то в этом духе. И это вам по плечу.

– Думаете?

– Уверен.

– Неожиданное наблюдение. Неожиданное и заманчивое. И как этого можно достичь?

– Пока не знаю. Вернее, я не знаю другого способа, кроме того, которым пользуюсь сам. Мне тоже надо подумать, как лично вам помочь. Да, должен вас предупредить, тут есть еще один человек с уникальными способностями. Остерегайтесь его. Его ко мне инкогнито приводил Эммануил Иосифович. Он мне не понравился.

- Чем?
  - Он попытался копаться у меня в мозгах без моего позволения.
  - Но, ты сам только, что, похоже, тоже ковырялся у меня в мозгах.
  - Я спросил у вас разрешения, Карл Иванович. Может быть, не в прямую, но, разрешение спросил. И оно было мною получено. Согласитесь.
  - Согласен. Хорошо, буду иметь в виду. Когда к вам можно прислать к вам моих коллег.
  - Давайте завтра с утра созвонимся, я думаю я найду для них окно. Их сколько?
  - Хирургов? Одиннадцать.
  - Хорошо.
  - Коля, а чем вы сейчас занимаетесь?
- Николай с горечью усмехнулся:
- Тестирую пополнение на пригодность к специальной армейской подготовке. Правда мне кажется, что я всем у себя просто глаза мозолю. Они и без меня обойдутся.
  - А, что так пессимистично, не нравится работа? Мне кажется такое тестирование интересное дело. Я не прав?
  - Эта работа никому не нужна, вернее не нужны ее результаты.
  - Не понял, зачем нужна работа если ее результаты ни кому не нужны?
  - Потому, что результаты полная туфта.
  - Может ты ошибаешься, Коля?
- Хромов грустно усмехнулся:
- Если бы. Меня обязали проводить тестирование по методике, по которой каждый второй обладает уникальными способностями. А это не так.
- Зенфельд испытующе посмотрел на Николая:
- Коля, а может вас просто обида заела, что вы не единственный и таких как вы много.
- Николай опять усмехнулся:
- Карл Иванович, тогда бы вы уже привыкли к таким как я. Поверьте, мне довелось применять свои способности в условиях реальной войны. Таких как я станет значительно больше, когда перестреляют, перебьют, тех у кого этих способностей нет. А, они первые на очереди.
- Зенфельд, орудуя ножом и вилок, исподлобья, посмотрел на Николая:
- Так может похлопотать, чтобы тебя перевели ко мне?
  - Не стоит. Это только осложнит наше отношения. Отпустить не отпустят, а палки в колеса будут ставить.
  - Это, как так?
  - Ну, если бы я просто исчез, этого и не заметили. А, отдать не отдадут. Жадные.
  - Коля, вы прямо как разведчик в тылу врага. Следят за вами. В отделе у вас тайны мадридского двора. Вы это все не сочинили?
  - Понимайте как хотите, Карл Иванович. Вы просто запросите мое личное дело. Возможно, вы не захотите больше иметь со мною дела. Если не захотите, я пойму и не обижусь.
  - А мне его дадут?
  - Думаю, да.
  - Мне стоит верить тому, что там написано.
  - Конечно. А, потом, Карл Иванович, честно сознаюсь, я не подарок, могу прийти не ко двору. А, главное неприятности ко мне притягиваются как к магниту. А, это окружающим очень не нравится.

Пазл 98. Новое занятие

Зенфельд решил сменить тему разговора:

– Скажите Коля, как вам здесь, в ресторане?

– Мне нравится. Я не завсегдатай ресторанов, мне судить сложно.

На следующее утро майор позвонил Николаю, они договорились, когда Николай примет хирургов.

Среди коллег Зенфельда, только один оказался пригоден для обучения. Николай спросил его фамилию и назвал ее майору.

Через несколько дней Карл Иванович поинтересовался:

– Что дальше Коля? Что дальше делать с твоим протезе.

– Готов с ним заняться. Только где? У меня точно не дадут.

– Ну, давай у меня.

– Только, нужно, чтобы нам не мешали.

– Приходи. Когда тебя ждать?

– Карл Иванович, как ему позвонить, чтобы вас не отвлекать от дел?

В комнате, в которую Николая привел претендент на получение экстремальных знаний, было тихо. Николай предложил:

– Снимите халат и китель. Садитесь позу лотоса. Удобно.

– Удобно.

– Закройте глаза, думайте о приятном.

– О чем конкретно.

– Все равно.

Туман с розовым запахом вился ключьями, по ним пробежали шафрановые пятна с солнечным запахом.

Николай удивленно отметил:

– Шафрановые пятна для хирургов, что общий признак?

Из тумана показался кот. Кот сидел и умывался. Волк хмыкнул:

– Во, и учить ничему не надо. У него все получится и без моей помощи.

Николай возмутился:

– Ну, ты ему помоги на первых порах. Он же ни уха, ни рыла.

– Да помогу я ему, пусть не боится.

Кот почувствовал что-то неладное. Он перестал умываться, прижался к земле и поджал уши. Николай попытался успокоить Кота:

– Ничего не бойся. Все хорошо.

Кот зашипел и ощерился. Глаза его округлились.

– Не бойся котик. Мы твои друзья.

Кот увидел Волка и Николая и вжался в землю и приготовился бежать. Николай шепнул Волку:

– Мышь принеси

– Зачем?

– Угостим его. Молоко-то где мы в лесу возьмем? А, мышь вполне сойдет для налаживания дружбы.

Волк бросил мышь к Коту. На мышь Кот не обратил внимания и продолжал испуганно смотреть на Волка и Николая. Волк предложил:

– Оставь его в покое, пусть придет в себя.

Николай с Волком отошли от Кота и стали болтать об обладателях тумана с розовым запахом. Кот осторожно сел на задние лапы и начал осматриваться. Волк скосил глаза:

– Во, вроде, приходит в себя. Еще немного и на сегодня ему хватит.
Когда хирург открыл глаза, Николай спросил:

– Как самочувствие?

– Вроде ничего.

– Что видели?

– Что-то непонятное. Все как-то смутно.

– Рассказать можете?

– Ну, вроде какие-то два зверя там были.

– Страшно было?

– Немного.

Волк прокомментировал:

– Стесняется сознаться.

– Думаешь все видел, но сознаться боится?

– Да нет. Не понял он ничего. Сам себе не верит. Пусть пару дней очухивается.

На следующем сеансе Кот не был таким испуганным. Волк тихо рыкнул:

– Чтобы он что-то смог, он должен сам себя увидеть. Понять кто он. Тогда хирург и будет вести себя как Кот. А, тогда и научишь его ранылизывать. Хотя коты, они себе на уме. Не захочет ранылизывать – не заставишь. Так что, думай Коля, как его простимулировать, чтобы без осечек все было.

– Ну и что тут можно придумать?

– Ну, если он будет ощущать чужие раны как свои, и заставляя не придется.

– Буду думать.

Осваивался Кот быстро. Сеанс на четвертый он уже вел себя с Волком вполне развязанно и фамильярно. Волк рычал на него, пытаясь отпугнуть Кота. Кот, не выказывая ни малейшего страха, бил Волка лапой по носу.

Волк раздраженно огрызался:

– Надоел мне этот наглец, Коля. Давай его обучать скорее.

– Давай! Чего делать?

– Да, знаю я здесь один капкан на хорька. Алкаш один ставит. Сейчас его заведу к капкану. Потом ты его вытащишь, а я рану залижу.

– А, не искалечим Кота

– Не бойся, капкан на хорька, ему как раз будет.

– Может как-то по другому?

– Ну и как?

– Может ему сразиться с этим хорьком, а не с капканом.

– Хорек зверь серьезный, может оказаться похуже капкана. Вцепится не оттащишь.

Может лучше лиса.

– Давай лису.

Волк вскочил на ноги и улыбнулся коту:

– Пошли поохотимся.

Они бежали рядом. Трусдой бежал Волк. Кот бежал рядом, задрал хвост трубой. Николай бежал на несколько шагов позади.

Лису Волк обложил быстро и уверенно. Лиса прижалась к земле и оскалилась. Волк стал забегать ей за спину. Кот сидел напротив лисы. Лиса в отчаянии метнулась к Коту. Кот высоко подпрыгнул, развернулся в воздухе и дал деру. Лиса цапнула его зубами, развернулась к Волку, оскалилась и пустилась на утек. Кот отрешенно лежал на земле с расширенными от страха глазами и нервно дышал. Волк начал тщательнолизывать рану Кота. Кот лежал тряпкой. Постепенно он стал поднимать голову, а потом обессиленно ее ронял. Наконец Волк остановился. Раны не было. На ее месте была только мокрая шерсть. Волк облизнулся:

– Шок у него от страха. Скоро очухается.

– Тебе надо было оставить маленькую ранку, чтобы он сам зализал.

– В следующий раз. Я сам перенервничал, испугался за него, не мог остановиться.

Кот начал приходить в себя, приподнял голову и покачиваясь попытался сесть. Николай решил прекратить сеанс, когда кот сам стал вылизывать место, где была рана.

Николай посмотрел на хирурга. Хирург выглядел усталым. Лицо хирурга было пересечено частыми дорожками от пота. Посмотрел он на Николая уставшими блуждающими глазами. Николай тронул его за плечо:

– Ты как?

Хирурга вырвало. Он вытер рот тыльной стороной ладони:

– Как то не очень.

– Помнишь, что видел?

Хирург молча кивнул. Николай продолжил:

– Волка помнишь?

Хирург снова кивнул.

– А лису?

Хирург отозвался хриплым голосом:

– Видел.

– А, еще кого видел?

Хирург наморщил лоб:

– Я, видел еще кого-то, но не понял кто это.

– А, себя видел?

– Видел. После того как лиса напала. Я, что Кот?

– Ну, не совсем Кот. Но, привыкайте к тому, что вы будете вместе с ним всегда. Ладно, отдыхайте. Встретимся через неделю.

Наконец наступил день, когда Николай вошел вместе с хирургом в палату к послеоперационным больным. Хирург сел на койку раненого. Николай скомандовал шепотом Хирургу:

– Снимай повязку.

Хирург недоверчиво глянул в лицо Николая и стал разматывать бинты. Рана была покрыта коричневой коркой. Николай продолжил:

– Клади ладонь на рану. Закрой глаза. Кота видишь. Пусть рану лижет.

Раздался прерывистый треск электрических разрядов. Через минуту хирург удивленно посмотрел на Николая и тихо прошептал:

– Получилось.

Через несколько дней Николаю позвонил Карл Иванович:

– Николай, что-то ты не до конца научил моего хирурга. Не получается у него, в операционной, раны залечивать. В палате получается, а в операционной нет.

– В операционной вы присутствовали, когда у него не получалось?

– Конечно.

– А в палате вас не было.

– Не было. Хочешь сказать, что он мне очки втирает.

– Никак нет. Просто вы, Карл Иванович, его блокируете. В вашем отсутствии у него и в операционной получится.

– Попробуем.

Через несколько дней Карл Иванович снова позвонил Николаю:

– Николай Федорович, и без меня у него в операционной не получается. Недоработка у тебя выходит.

– Я подойду к вам.

В операционной Николай стал осматриваться. Ничего необычного, кроме легкого запаха пурпура. Он спросил у Волка:

– Ты понимаешь что-нибудь?

– А, чего тут понимать. Леопард пометил территорию.

– Как пометил?

– Обычно. Своим туманом.

– А, почему мне это не помешало вылечить раненого.

– А, ты вообще плюешь на чужие метки. Ты наглый и на чужой территории ведешь себя как на своей. Иногда это хорошо. На охоте так и надо. А, иногда нет. Поэтому тебя хозяева территории боятся, и не любят.

– Почему бояться? Чего меня бояться?

– Да не тебя конкретно. Их звери твоего зверя боятся. Ты еще не понял почему тебя Айболит загнал в блиндаж.

– Ну, и почему?

– А, он просто выдворил тебя со своей территории. А ты и не заметил. Поперся в этот блиндаж как ловушку.

– Занятно. А, я и не подозревал о таких тонкостях. Ну и чего делать?

– Пометить эту территорию своими метками.

Николай хихикнул:

– Как? В углу помочиться.

– Нет это не пойдет. Не знаю. Думай. Нужны человеческие знаки. Да и еще нужны и знаки этого Кота, чтобы он не боялся. Если оставишь еще и мои, я ему помочь смогу как тебе.

– Слушай, а статуэтки подойдут?

– Статуэтки это что?

– Ну, фигурки, сделанные из чего-нибудь. Из дерева, из камня или еще из чего-нибудь.

Волк покрутил головой:

– Может и подойдет. Не знаю. Попробуй. По леопарду поймешь. Если ему метки не понравятся, значит сработало.

– Значит так. Как сделать статуэтки кота и волка я знаю. А, вот я-то какой зверь? Как я все-таки выгляжу, я толком и не знаю.

– Ты похож на огненную рысь. Поэтому тебя и бояться.

– Ну, далеко не все бояться.

– Дураки не боятся, потому, что дураки.

– Ладно понял.

Николай вошел в кабинет Зенфельда со словами:

– На устранение недостатка потребуется некоторое времени.

– Занимайся Николай. Извини мне сейчас некогда, завтра две операции.

Пазл 99. Чужие и свои территории

Николай долго думал из чего сделать свои метки. Глина была вполне доступна, но сделанное из нее казалось недолговечным. Дерево тоже было доступно, но пугало, что допущенные в работе ошибки становились трудно исправимыми. Остальные материалы Николай не рассматривал. Он понимал, что га его рабочем месте ему обязательно, неизбежно, будут мешать заниматься тем, что не относится к его прямым обязанностям. Остановился он на дереве. Он решил вырезать не статуэтки, а вырезать изображения на кусках доски. В результате из-под его ножа на дереве появилось четыре изображения. На одном был волк, лакающий из лужи, который смотрел прямо на зрителей. На двух других были коты. Один кот безмятежно умывался, на другом кошка вылизывала сидящего перед ней котенка. Четвертое изображение ему удалось с трудом и не сразу. Из языков пламени смотрели два беспощадных кошачьих глаза. За неимением ничего лучшего он натер свои поделки мастикой для пола. Когда Николай вошел в пустую операционную, то сообразил, что ни поставить, ни повесить результаты своего творчества не удастся. Ставить было некуда, а повесить их ему никто не разрешит. Он вернулся в свой блиндаж и задумался. Решение пришло неожиданно. Николай закрепил свои доски в операционной на медицинских штативах. Волк оказался прав. Когда Зенфельд вошел в операционную, то сначала не мог понять, что не так. Он явно ощущал дискомфорт, но не мог понять его причину. Когда он наконец заметил штативы с досками, он пришел в неистовство и приказал немедленно их вынести из операционной. Операция прошла удачно. Чьих рук это дело майор догадался сам без вопросов. Николаю Зенфельд коротко бросил по телефону:

– Зайди ко мне.

Когда Николай переступил порог кабинета майора, в него уперся немигающий взгляд Зенфельда:

– Николай Федорович, в операционной я хозяин. Это ясно.

– Так точно. Предельно ясно. Разрешите идти?

– Ты мне ничего не хочешь сказать?

– Уже нет. Разрешите идти?

Через неделю Зенфельд позвонил снова:

– Коля, ты не мог бы ко мне зайти?

– Нет, я занят.

– А, когда освободишься?

– Не знаю. Загрузили работой.

– Может сходим в ресторан, Николай Федорович?

– Можно.

В ресторан Николай пришел немного раньше оговоренного ими времени. Он прошел внутрь зала, надеясь занять столик по своему усмотрению. Майор был уже в зале. Николай это стал ощущать, еще поднимаясь по лестнице. С каждой ступенькой его уверенность, что Зенфельд уже в зале росла. При входе в зал они встретились взглядами. Николай поймал себя на мысли, что он идет к столику так же, как идет на сближение одна большая кошка к другой. Их взгляды не покидали глаз друг друга. Николай положил ладони на спинку стула:

– Здравствуйте, Карл Иванович.

– Здравствуйте, Коля. Присаживайтесь. Я взял на себя смелость выбрать столик. Меню официант принес, выбирайте.

– Спасибо.

Волк зашептал:

– Ну, ты оценил? Зверь серьезный и матерый

– Пожалуй.

– Ну ты не бойся, ты тоже уже не щенок.

– Надеюсь.

Майор уперся руками в поверхность стола:

– Я бы хотел сразу извиниться за ту резкость с которой я вас отчитал. Я погорячился.

Но, вы поймите, это было сразу после операции. Весь на нервах.

– Не стоит Карл Иванович, я все понимаю. Да я и не обиделся.

– Точно не обиделся?

– Точно. Так слегка по самолюбию чиркнуло. А, потом подумал и понял, что причин для обиды нет.

– Интересный вы человек, Коля. А, я бы так не смог.

– Так? Что вы имеете ввиду?

– Я вам, попросту говоря, нахамил. Потом поставил себя на ваше место и как обухом по голове. Решил, что надо извиниться. Но, не по телефону же.

– Почему не по телефону?

– Я не трус, привык смотреть в глаза человеку, которому приношу извинения. Еще раз прошу меня простить за тот недопустимый тон.

– Не переживайте. Все нормально, Карл Иванович.

– Николай, а все же вы обиделись. Не захотели прийти ко мне.

– Этому другая причина.

– Какая же?

– Просто, я, Карл Иванович, о вас знаю немного больше, чем вы сам о себе.

– Вот как? Откуда, позвольте узнать, вы обо мне получили информацию? И, что же конкретно интересного вы знаете, Николай?

Николай посмотрел на майора и спросил у Волка:

– Ну что, стоит ему все это рассказывать?

– Да мне то какое дело? Расскажи, коли заикнулся. Посмотрим, что из этого выйдет.

Николай сложил руки на груди:

– Понимаете Карл Иванович, в каждом человеке живет зверь. Иногда они даже не подозревают о существовании друг о друге. Но, человек ведет себя в соответствии с тем, какой зверь в нем живет.

– Ну, и какой же зверь живет, по вашему, во мне?

– Леопард.

Зенфельд усмехнулся:

– Ну и фантазия у вас, Коля.

– А, я знал, что вы не поверите.

– Что-то такое в вашей практике уже было? Вы продолжайте, Коля, продолжайте.

Официант подошел с блокнотом в руке. Заказ был сделан, официант ушел. Зенфельд поинтересовался:

– Решили изменить своим правилам, Коля? Заказали водочки. Одобряю. Заметьте, как доктор одобряю.

Николай махнул рукой:

– Я до армии не пил. Нет, конечно, пробовать пробовал. Но удовольствия не получал. Решил здесь попробовать.

– Ну, тут каждому самому виднее, как стресс снимать. Главное не напиваться в стельку. Так на чем мы остановились? Ах да, ты сказал, что во мне живет леопард. Что дальше?

– А, собственно, что дальше? Ничего. Для вас же не секрет, что хищники метят свою территорию. То, что вы свою территорию поместили, я это прекрасно почувствовал и в вашей операционной и в вашем кабинете. Поэтому и не пошел к вам, чтобы быть с вами на равных.

– На равных? Со мной? А, в вас какой зверь живет?

– Ну, что-то вроде рыси.

Зенфельд уточнил:

– То есть, тоже хищник?

– Хищник. Я смотрю вас это смешит Карл Иванович.

Зенфельд усмехнулся:

– Ну, конечно смешит. Это сказки для детей детского сада, и младшего школьного возраста. А, я все-таки, человек с высшим образованием. И не просто с высшим, а с высшим медицинским. Потом, Коля, ну какой из тебя хищник?

– Ну, наверное кое-какой хищник есть, если вы решили со мною посоперничать.

– Я, посоперничать? С тобою? Коля, ты себе льстишь.

– Почему-же, Вы ведь приказали выбросить мои доски из операционной.

Карл Иванович повысил голос:

– Я, уже сказал в операционной я хозяин. Меня отвлекают от операции любые посторонние предметы. Это надеюсь ясно?

– А, я вам тогда еще ответил, что мне это более чем ясно и понятно. Это ваша территория, и я не претендую на нее. Мне это не нужно. Это нужно было вам, Карл Иванович. Вы хотели, чтобы ваш хирург в вашей операционной мог без скальпеля излечивать раненых. А, это невозможно. Территория была помечена, и он не мог чувствовать себя там хозяином. А, следовательно не мог лечить. Более того он находился по отношению к вам в подчиненном положении.

– Чушь! Но, ты то мог? Ты же лечил даже в моем присутствии.

– Именно потому, что мы равные по силе. Силе тех зверей, которые в нас живут. Вы инстинктивно, даже не подозревая об этом, пытались соперничать со мною. Вот даже сюда вы пришли и заняли столик. Так сказать, поместили территорию.

– Чушь какая-то. Бред. Я пришел сюда, чтобы пометить территорию. Вы же умный человек Коля, Вы, что не чувствуете, что несете ахинею. Я пришел сюда, из чувства долга. Я вас пригласил, естественно, я должен был проявить такт и все проконтролировать. Тем более, что я чувствовал перед вами свою вину. Коля, вы где этой мистики низкопробной набрались?

– Карл Иванович, я наверное зря затеял этот разговор. Собственно, исход этого разговора мне был ясен, с самого начала. У меня к вам только один вопрос. Вы те доски, которые я принес в операционную куда дели?

– Понятия не имею. Выбросили наверное.

– Если не выбросили, отдайте их хирургу, которого я учил, они ему пригодятся.

Официант принес графин водки и холодные закуски. Карл Иванович потер щеку и стал наливать водку:

– Ну, что Николай, выпьем мировую. Вы мне, как человек, импонируете. Советую вам. Вы завязывайте с этой мистикой.

Выпили. Карл Иванович заложил себе салфетку под воротник и воткнул вилку в кусок селедки. Пережевывая он продолжил:

– Раззадорили вы меня Николай, своими фантазиями. Хочу спросить. Может зря, конечно. Но, спрошу. А, ведь я тоже приходил на вашу, как вы выразились, территорию. И что?

– Я думал мы эту тему оставили. Ну, хорошо. Во-первых, вы приходили не на мою территорию. Клетка в зоопарке – это только условно территория того, кто в ней содержится. Во-вторых, вы приходили на территорию Эммануила Иосифовича, а он не хищник и не вызывал у вас ни малейшего опасения. Но, и он вас прогнал со своей территории, так бывает. Свою территорию защищают все.

– И, кто-же Эммануил Иосифович по вашей классификации?

– Хомяк.

– А, что, похоже. Вы сказали, что вы находитесь в клетке. Я, что-то не очень понял, вы здесь в какой роли? В смысле в нашей конторе?

– А, вы не запросили мое личное дело?

– Честно говоря опасаясь. У нас не принято совать свой нос в чужие дела. Да и времени не было. Может сами расскажите?

– Извините, Карл Иванович, воздержусь.

– Но, сейчас то вы не в клетке. Вот здесь мы сидим вместе. Это мало похоже на клетку.

– А, на длинный поводок? Похоже?

Зенфельд поджал губы, на его лице отразились размышления:

– Видимо, я не очень хорошо знаю место где служу.

Николай поднял рюмку:

– Ну что, еще по одной. Как говорится, замнем для ясности.

– Да, уж. Не скрою, я хотел, чтобы ты был у меня. Хотел открыть новое направление в медицине.

– Я догадался. Поэтому оставил себе достойную замену. Из вашего хирурга выйдет лекарь, который еще мне даст фору. Ну, выпьем.

Закусывали. Молчали. Карл Иванович осторожно поинтересовался:

– То есть ты думаешь, он будет лучше чем ты?

– Думаю.

– Почему.

– В нем животное более к этому приспособленное.

– Опять животное. А, попроще нельзя?

– Извините Карл Иванович, как умею. На сколько я понимаю, он все-таки залечивает раны?

Майор вздохнул:

– Залечивает.

– Значит для нового направления в медицине у вас уже кое-кто и кое-что уже есть.

– А, он сможет обучать тому, чему его ты научил?

– Не знаю. Наверное, главное, чтобы вы его не подавили как личность.

– Опасаешься?

– Опасаюсь.

– Ладно, тогда возвращаясь к вашим фантазиям, в нем какой зверь живет?

– Кот. Если вернете ему доски ему будет помогать еще один зверь.

– Интересно. И, что за зверь?

– Волк.

– Волк? Припоминаю.

Николай усмехнулся:

– Ружье пылится за шкафом, а вам мерещится охота. Понятно.

– Напекаешь на что-то, Коля?

– Да нет.

– Хорошо спрошу в лоб. А, я смогу увидеть этих самых зверей?

Николай задумался:

– Судя по вашему туману, Карл Иванович, да. Вы же видели Волка?

– Какого волка?

– Ну, я же понял, что вы сочинили про ружье.

– Ну, сочинил! Сочинил! А, ты бы хотел, чтобы я выглядел как последний дурак?

– Почему как дурак?

– Потому! Коля, ты можешь сделать так, чтобы я увидел этих зверей прямо сейчас? Людей вокруг много. Так что?

Пазл 100. Каждый сверчок знай свой шесток

– Ну, сочинил! Сочинил! А, ты бы хотел, чтобы я выглядел как последний дурак?

– Почему как дурак?

– Потому! Коля, ты можешь сделать так, чтобы я увидел этих зверей прямо сейчас? Людей вокруг много. Так что?

– Понимаете Карл Иванович, я не знаю, как на этот процесс, повлияет алкоголь. Я же вам говорил, что с действием алкоголя знаком плохо. Но, видел, как он влияет на других людей. Может не стоит Карл Иванович. Я знаю вашего зверя. Леопард не считает нужным себя сдерживать и ведет себя как хозяин ситуации. Могут быть неприятности. Неконтролируемая агрессия. Нет, я не от вас. От окружающих. Им интуитивно может не понравиться, что вторгаются в их внутренний мир. Давайте завтра, у меня.

– Ты же говорил, что мы не можем ужиться на территории друг друга.

– Понимаете Карл Иванович. Я странный зверь. Я пускаю на свою территорию любого. Собственно, все дело в том, что у меня нет своей территории. Меня, как бы, посадили в клетку в зоопарке. Так что приходите смело. Опасайтесь только моих охранников.

– Хорошо, тогда что? Завершаем? Официант, горячее!

Зенфельд появился у Николая со словами:

– Служителей зоопарка нет? Можно?

– Заходите, Карл Иванович.

После третьего сеанса Николай спросил у Волка:

– Ну и как я пойму, видит он или не видит. Он очень скрытен.

– Тащи сюда твоих кота, барсука, пони и всех остальных.

– А они не испугаются?

– С тобой и со мной они ничего не испугаются. Ты лучше за леопарда опасайся. Рывкнет сдуру, и тогда я ему не завидую. Так что, лучше предупреди его заранее.

– Хорошо.

Телефонные звонки заняли немного времени. Николай вдруг осознал, что трещина, которая легла между ним и его бывшими подопечными, стала значительно шире. Он понимал, что жизнь берет свое и это нормально. Он понимал, что и сам приложил к этому руку. Но, служебному росту своих бывших подчиненных Николай искренне радовался. Но, была в этом и капелька горечи. Пришли все младшие лейтенанты. Знакомство шло полным ходом. Барсук, хорек, кот, пони и лиса осторожно передвигаясь заняли свои места в боевом построении. Сокол парил на высоте. Сова крутила головой на ветке. Волк независимо сидел за спиной барсука. Чувствовалось, что леопард, хотя и грозно рычит, начинает терять самообладание. Кот потерялся о ногу Николая и промурлыкал:

– Он будет теперь вместо тебя?

Остальные напряженно вслушивались в ответ Николая. Николай рыкнул:

– Нет. Сами разберетесь, кто будет вместо меня. Я вас хочу просто познакомить с нашим новым товарищем. Если ему потребуется помощь, не отказывайте ему. Спокойно. Обнюхайтесь. Все, кроме Волка, уже потянулись носами к леопарду, когда ситуация раскололась истеричным криком:

– Что здесь происходит? Это что за сборище?

Все звери дернулись и повернули головы. На полянку выкатился с истеричным писком хомяк, за ним, неуклюже раскачиваясь и несинхронно вращая глазами, шел хамелеон. Волк недовольно рыкнул:

– Принесла нелегкая. Расходимся ребята.

В это время Айболит надрылся в слух у двери:

– Я задал вопрос. Я не понимаю, что здесь происходит? Кто мне может объяснить?

Из-за спины Айболита молча выглядывал Птицын. Николай осознал, что поступил легкомысленно и не предусмотрел, как себя вести, в случае неожиданного появления Айболита. Он начал мямлить:

– Это я пригласил всех сюда.

– Зачем?

Николай ляпнул первое что пришло на ум:

– Скоро отправлюсь на дембель, воинская традиция. Сто дней до приказа.

– А, кто вам сказал, что вам осталось сто дней до ухода в отставку? Я?

– Ну, по условиям соглашения?

– Ах, по условиям соглашения? А, кто вам разрешил, Николай Федорович, разглашать условия вашего соглашения?

Айболит поправил очки:

– Молчите? Сказать нечего? Я вас хочу спросить. Почему здесь находятся посторонние?

Значит так. Валерий Александрович разберитесь и доложите.

Айболит выкатился. Птицын продемонстрировал командный голос:

– Товарищи младшие лейтенанты прошу пройти по своим кабинетам. Младший лейтенант Сухов прошу в мой кабинет. Товарищ майор прошу вас покинуть секретное служебное помещение. А, вы, Хромов, ждите моего звонка.

Через пару часов телефон в блиндаже звякнул, дал паузу и затрещал. Николай ответил:

– Сержант Хромов слушает.

В трубке прозвучал голос Птицына:

– Сержант Хромов, зайдите в кабинет Эммануила Иосифовича. Поспешите.

Поспешить у Николая не получилось. В кабинете, который раньше был закреплен за Айболитом сидела эффектная девица в форме старшего лейтенанта. Раньше ее Николай не видел. Она посмотрела на Николая холодным взглядом:

– В чем дело сержант?

– А, где Эммануил Иосифович?

– Сержант, вас, что не учили как надо заходить?

– Никак нет, учили.

Говорила она манерно растягивая слова с интонациями знающей себе цену красотки:

– Выйдете, сержант и войдите как положено.

Входил в кабинет Николай три раза. Девица отрывала огромные накрашенные глаза от ногтей, по которым водила маникюрной пилкой. На третий раз она отложила пилку, подняла трубку телефона и елеинным голосом проговорила:

– Товарищ полковник, Эммануил Иосифович, тут к вам рвется сержант Хромов. Есть товарищ полковник. Так точно, Эммануил Иосифович.

Девица холодно посмотрела на Николая и назвала ему номер кабинета Айболита. Кабинет Айболита оказался тремя этажами ниже. Помня допущенные им ошибки, Николай постучался в дверь. И, как оказалось, сделал это не зря. За указанной дверью оказалась приемная, и сидел за этой дверью совсем не Айболит, а еще одна девица в форме старшего лейтенанта. Хромов взял под козырек:

– Разрешите войти, товарищ старший лейтенант.

Эта девица ограничилась разовым назиданием Николаю, и жеманно ответила:

– Выйдите, и войдите как положено.

Николай мысленно удивился:

– Какое же безошибочное чутье у этих мартышек. Знают кого и сколько можно и нужно третировать, унижать, перед кем нужно прогнуться до полу, а перед кем может и встать раком.

Интересно, у кого из нашего руководства такой безупречный и утонченный вкус? Кто, у нас такой большой знаток и любитель женской красоты, Айболит, или Птицын?

Наконец Хромову было дозволено доложить о своем прибытии. Николай отчеканил как учили в сержантской школе:

– Сержант Хромов по приказанию товарища полковника Моисеева прибыл.

Девушка перевела взгляд с Николая на крышку стола, за которым она сидела, и проговорила растягивая слова как ее предшественница:

– Заставляете себя ждать сержант. Проходите, вас ждут.

Николай огляделся и до него дошло, что он еще не в кабинете, а в приемной. В комнате была еще одна дверь, к которой он и направился. Пока Николай шел к двери, он сделал несколько маленьких открытий.

Открытие первое – Айболит удачно воспользовался ситуацией для смены служебных апартаментов.

Открытие второе – статус руководителя определяет наличие или отсутствие приемной. Открытие третье – появление секретарш в звании старших лейтенантов впечатляет. Открытие четвертое – Я здорово оторвался от жизни.

Николай открыл дверь. За т-образным столом сидел Айболит в кителе полковника с пагонами и петлицами василькового цвета. Рядом сидел Птицын в форме майора медицинской службы. Николай, в который раз за день взял под козырек:

– Разрешите войти, товарищ полковник?

Айболит поднял глаза от бумаг на столе:

– Заходите Николай Федорович.

– Товарищ полковник, сержант Хромов по вашему приказанию прибыл.

Айболит уперся в Николая взглядом поверх очков:

– Долго ходите, Николай Федорович. Ждать себя заставляете. Ну, рассказывайте.

Николай застыл у двери, мысленно перебирая из устава варианты ответов:

– Спросить, что рассказывать? Для Айболита прокатит. Птицын Николая точно будет равнять. Буду под дурака косить, может пронесет.

Николай снова приложил руку к виску:

– Товарищ полковник, разрешите доложить?

Айболит заинтересованно посмотрел на Николая:

– Ну. Ну, давайте уже.

– Товарищ полковник, сержант Хромов по вашему приказанию прибыл.

Как ужаленный подскочил майор Птицын:

– Издеваетесь сержант? Под дурака косите? Решили нас тут идиотами выставить сержант?

– Никак нет, товарищ майор.

– Что никак нет? Что вы заладили. Никак нет, никак нет. Рассказывайте.

– Что рассказывать, товарищ майор?

– Как вы докатились до такой жизни, рассказывайте. Распустились сержант. Жизнь медом показалась? Стариковать вздумали, вечеринку устроили? Компрометируете своих бывших подчиненных. Секретность нарушаете. Этого вам мало? Это вы все считаете нормальным?

Николай застыл по стойке смирно:

– Виноват товарищ майор. Это больше не повторится.

– Вы Хромов тут дураком не прикидывайтесь. Это не прокатит. Придется отвечать за свои поступки.

Из-за стола встал Айболит и направился к Хромову:

– Подождите, Валерий Александрович.

Птицын шмыгнул носом и неотступно сопровождал взглядом Айболита.

Неожиданно под кителем полковника на Айболите оказались серые мятые брюки в разноцветную полоску. Айболит прошел уже половину пути, когда поймал удивленный взгляд Николая. Он осмотрел себя, с головы до ног. Затем с невозмутимым видом, открыл платяной шкаф, стоявший у стены, снял с себя китель, и повесил его плечики в шкаф. Айболит повернул голову к Хромову:

– Вы знаете, Николай Федорович, а ведь Валерий Александрович прав. Вы действительно в последнее время распустились. Мы тут все можно сказать в поте лица, бьемся над новыми методиками, а вы развлекаетесь. Не находите, Николай Федорович, что это не справедливо. Это не честно по отношению к вашим товарищам. Я вам открою секрет. Вы генерала помните, с которым я приезжал к вам часть? Так вот. Он вас постоянно хочет перевести в сержантскую школу. А, я грудью ложусь, спасаю вас от этого. А, что в ответ я вижу?

Николай буркнул:

– А, что плохого в сержантской школе?

Снова взвился майор:

– Хромов, вы что себе позволяете? Вы как разговариваете со старшим по званию?

Заверещал Айболит:

– Николай Федорович, а, вам не кажется, что там бы вы не вылезали с гауптвахты. Вы, что все забыли? Забыли какие неприятности вас поджидают в обычной воинской части? Забыли сколько раз я вас вытаскивал из неприятностей, в том числе с этой самой гауптвахты. Ну, ладно. Значит так. Готовить кадры для действующей армии мы будем по утвержденным методикам настоящих специалистов, а не вашими устаревшими и ненаучными методами. Вы ознакомились с утвержденными методиками?

– Так точно.

– И как ваше мнение?

– Эти методики ошибочны. Они не будут работать.

Снова затараторил Птицын:

– Они уже работают, и работают прекрасно. Довожу до вашего сведения, нашими результатами наши заказчики очень довольны.

Айболит наклонил голову набок и осуждающе посмотрел на Хромова:

– Ну, это в вас обиженное самолюбие говорит. Да голубчик, это я вам как специалист говорю. Пока вы топтались на месте некоторые наши сотрудники далеко продвинулись в этом деле. Они подошли ответственно, к поставленной перед ними задачи, и добились хороших результатов. Но, я готов ознакомиться с вашими замечаниями. Но только, не надо голословных обвинений. Подготовьте ваши замечания в письменном виде и ко мне на стол. А, я с ними ознакомлюсь. И, еще, ставлю вас в известность товарищ Хромов. По условиям нашего договора с министерством обороны, мы обязаны с помощью наших методик подготавливать всех солдат, прошедших медицинскую комиссию, и имеющих среднее образование, к проведению саперно-психологического противодействия, сокращенно СПП.

Николай мысленно отметил:

– Однако далеко они продвинулись в создании профессиональной терминологии

Айболит поднял вверх указательный палец:

– Всех! И, их подготовка должна соответствовать утвержденным нормам. Николай Федорович, вы ознакомились с условиями и нормами подготовки?

– Никак нет.

– Ну вот, я так и знал. Завтра начнут завозить и устанавливать новое оборудование, а ничего не готово. Я надеялся, что у нас все нормально. Думаю, уж Николай-то Федорович, нас не подведет. А, товарищ Хромов от безделья пьянку организовал.

Пазл 101. Возвращение

– Ну вот, я так и знал. Завтра начнут завозить и устанавливать новое оборудование, а ничего не готово. Я надеялся, что у нас все нормально. Думаю, уж Николай-то Федорович, нас не подведет. А, товарищ Хромов от безделья пьянку организовал. Это хорошо, что я вовремя зашел. Значит так, Николай Федорович, вы назначаетесь материально ответственным за приемку и целостность оборудования. Валерий Александрович проследите и проконтролируйте

Птицын с готовностью отозвался:

– Есть товарищ полковник. Будет исполнено.

Айболит поморщился:

– Валерий Александрович, ну зачем этот официоз. Зачем эти звания, эта иерархическая формальности. Будем проще.

– Есть товарищ полковник, прошу прощение, Эммануил Иосифович.

Николай недоуменно спросил:

– Почему я?

Назидательно кинулся объяснять майор:

– Потому, что именно вы лаборант, товарищ сержант. Вы что думаете, этими пустяками должны заниматься, методологи или начальники лабораторий? Или, чего там мелочиться, давайте ответственным за материальную часть назначим товарища полковника. Так, что ли? И напоминаю, вам все оборудование должно быть промаркировано в соответствии с принятыми нормами. Название системы, название блока, инвентарный номер.

Жизнь Николая стала еще тоскливей. Приемка оборудования, проверка его комплектности, накладные, эксплуатационная документация, инвентарные номера, все это отнимало массу времени. Николай чувствовал себя ординарным, заштатным завхозом. Хромов успокаивал себя:

– А, никто тебе Коля не обещал небо в алмазах. Скажи спасибо, что не в дурдоме и не в дисбате. За все надо платить Коля. Не хочешь быть предателем, будь любезен смири гордыню и служи там, где скажут.

Волк все реже приходил к Николаю. Он где-то постоянно пропадал и появлялся только тогда, когда тоска подступала к горлу Николая. На их виртуальных прогулках Волк делился охотно лесными новостями.

Дни шли однообразно, как осенний дождь за окном. Наконец настал последний день службы Хромова. Айболит снизошел до того, что лично вручил Николаю документы, необходимые для увольнения в запас. Он пришел и чуть ли не со слезами на глазах стал говорить, как он привык к Николаю, и как ему будет его не хватать. Обещанная рекомендация для поступления в вуз отсутствовала среди документов. Николай стиснул зубы и сам себе сказал:

– Наплевать, унижаться и просить ничего не буду.

После некоторых слов Айболита стало ясно почему Айболит пришел сам, а не доверил эту миссию кому-нибудь из своих замов. Айболит предусмотрительно отступил на два шага от Николая:

– Николай Федорович, хочу вас предупредить. Скорее, хочу поставить вас в известность, Ваша знакомая, из-за которой вы здесь оказались вышла замуж. Меня просили передать ее просьбу, чтобы вы ее больше не тревожили. И, еще, Николай Федорович, возможны издержки нашей работы. Имя, Клара, в вас может вызывать приступы не контролируемой агрессии и не адекватную реакцию на окружающую вас ситуацию. Извините пришлось вас закодировать, по определенной методике. я просто обязан вас об этом предупредить во избежание не нужных эксцессов. Поэтому будьте на чеку и будьте внимательны. Услышите кодовое слово, старайтесь по скорее покинуть место, где это произошло.

Николай с портфелем шел к проходной. Волк уныло брел рядом, пригнув голову к земле. За проходной Николай почувствовал, как Волк лизнул ему руку. Николай нагнулся, Волк лизнул его в нос, отбежал назад и сел. Николай в последний раз посмотрел на ворота, за которыми так много произошло в его жизни, и двинулся на автобусную остановку. За его спиной раздался печальный протяжный вой и рухнула темная пустота.

Утром Николай проснулся с тяжелой головой. Вставать не хотелось. Закрывая входную дверь в квартиру, Николай стал вспоминать не забыл ли он чего-нибудь:

– Свет в ванной и в коридоре выключил. А выключил? Да выключил. А, газ на кухне?

Выключил, я же чай пил. Чай? А почему я вкус чая совершенно не помню. Нет надо проверить.

Николай открыл снова дверь и быстро прошелся по квартире. В голове пронеслось:

– Вернулся, дороги не будет. Надо что-то с собой взять. Ну и чего взять?

Николай открыл холодильник, задумчиво осмотрел его содержимое, тяжело вздохнул и взял в руки мамин гостинчик с ее пирожками.

Николай стоял в автобусе. Он держался рукой за в поручень и смотрел в окно. Автобус плавно переваливался с боку на бок, как неуклюжее, состарившееся животное. За окном накрапывал мелкий дождик. Тротуар и автобусные остановки раскрасились зонтиками над головами пешеходов и прохожих, ожидающих свои автобусы.

На работе пирожки встретили на ура. Начались традиционные расспросы. Коллеги смотрели на Хромова, слушали его уклончивое:

– Да ничего. Все в порядке. Все здоровы. Все в нормально.

А, у Николая перед глазами вставало лицо матери и отца.

Конгломерат пока Звягинцев гостил у Хромова старшего работал как хорошо отлаженный механизм. Все шло своим чередом. Вернулся Виктор Петрович повеселевший, внешне слегка помолодевший и окрыленный. Может это и послужило толчком к его нововведениям. О них он объявил на общем собрании:

– Я считаю, что наше предприятие может себе позволить оплачивать отдых своих сотрудников за границей. Не всех сразу, конечно, но всех без исключений. Поэтому, друзья мои, оформляйте себе и своим домашним заграничные паспорта. В отделах составьте графики отпусков, чтобы не прерывался производственный процесс. Иван Иванович проконтролируйте. Тамара Алексеевна подберите и наладьте контакт с надежным турагентством.

После собрания все бросились оформлять загранпаспорта. Татьяна приходила к Олегу, и они шепотом обсуждали сложности процесса оформления. Николай оставался совершенно безучастным к этому ажиотажу и не предпринимал ни каких шагов к оформлению своего загранпаспорта. Вскоре к нему пришла Люба, села напротив, и заинтересовалась:

– Николай Федорович, а вы уже оформили себе загранпаспорт?

Николай наморщил лоб и почесал шариковой ручкой голову:

– Мне не дадут. Я на закрытом предприятии работал. Третья форма допуска. Подписка о неразглашении, пять лет сиди и не дергайся.

– А, вы пробовали?

– А, чего пробовать. И так все ясно.

– Хотите я у Ивана Ивановича по поводу вас проконсультируюсь?

– Чего консультироваться-то. Он тоже самое скажет.

Но пробивная сила Любы дала неожиданный результат. Вскоре она появилась и заговорила:

– Николай Федорович, Иван Иванович просил вас зайти.

Иван Иванович взглянул на вошедшего Николая:

– Присаживайтесь Николай Федорович.

О открыл одну из папок лежавших на столе, достал из нее справку и придвинул ее Николаю:

– Оформляйте загранпаспорт Николай Федорович.

– Но, ведь проверят. Допуск всплывет.

– Не всплывет.

– А, мой допуск в армии, секретная лаборатория.

– Оформляйте загранпаспорт Николай Федорович. Я ведь тоже кадровиком не вчера стал. Знаю, что говорю.

Вскоре у стола Николая снова появилась Люба:

– Ну что, Николай Федорович, приняли заявление на загранпаспорт в ОВИРе? С вас коньяк.

– Я не ходил в ОВИР. Некогда. Работы много.

– Давайте я вам помогу, у меня все прошло с первого раза. Так что опыт имею.

– Да не собираюсь я ехать ни в какую границу. Ну зачем мне это надо? Мне здесь хорошо.

– Ну, вы даете, Николай Федорович! С вами не соскучишься. Вы все-таки сделайте загранпаспорт, а вдруг заграникомандировка, а у вас паспорта нет.

Николай скептически хмыкнул:

– Ну-ну.

В разговор вмешался Олег:

– Да, сделай ты паспорт Коль. Что он тебя утянет?

– Ладно, от вас не отвяжешься. Сделаю я, сделаю этот чертов паспорт.

Люба тихо проговорила:

– Николай Федорович, вы мне справку и паспорт дайте, я все оформлю.

Общими усилиями сопротивление Николая было сломлено.

Пазл 102. Антикварный магазин

Люба тихо проговорила:

– Николай Федорович, вы мне справку и паспорт дайте, я все оформлю.

Общими усилиями сопротивление Николая было сломлено.

Кроме работы Николай был озабочен походом в антикварный магазин. Антикварный магазин возможно был не самым лучшим в своем роде. Но, Николай сразу понял почему Звягинцев любит сюда заходить. Атмосфера необычного обволакивала и поглощала любого человека, от мала до велика. Магазин отличался от музея тем, что посетителя не покидала надежда, что он может приобрести понравившуюся ему вещь. Пусть сегодня ему не хватило денег, но через неделю, когда дадут зарплату, он точно купит эту вещицу. Потом оказывалось, что вещица уже продана. Разочарование и новые желания рождались и умирали здесь постоянно. Придя сюда однажды, хотелось возвращаться сюда раз за разом. Это было как наркотик для любителей прекрасного. Первый его кавалерийский наскок на продавца антикварного не дал результата. Николаю казалось, что стоит ему только заикнуться о волнующей его вещи и продавец ему выложат всю подноготную. Как бы не так, все оказалось значительно сложнее. Продавец слушал Николая, а сам говорил мало, стараясь не раскрывать незнакомому человеку тайн своих клиентов. Когда Николай с ним поздоровался, тот благосклонно улыбнулся и ответил на приветствие:

– Здравствуйте. Вас что-то у нас заинтересовало?

– Несколько лет тому назад у вас были выставлены на продажу шахматы, фигуры которых были стилизованы под средневековых воинов.

Николай замолчал ожидая реакции продавца на его слова. Продавец, слегка наклонил голову набок, и с вежливой улыбкой продолжал сосредоточенно созерцать Николая, не произнося ни слова. Когда пауза затянулась, он сдержанно подбодрил Николая:

– Я слушаю вас.

– Вы помните эти шахматы?

– Я помню практически все антикварные вещи, прошедшие через мои руки. Какие шахматы вы имеете ввиду? Через наш магазин прошли шахматы с фигурками, вырезанными из слоновой кости, из черного, зеленого и желтого нефрита. Уточните, о чем речь.

– Нет, фигурки тех шахмат были отлиты из металла, из латуни.

– Конечно помню. Искусная работа старинных мастеров.

– Ну, предположим, это работа не старинных мастеров. Не в этом дело.

– Уверяю вас, это была работа неизвестного мастера начала-середины прошлого века.

– Нет эти шахматы сделал я. Но, это тоже не важно. Меня интересует...

Продавец мягко возразил:

– Вы утверждаете, что вы автор тех шахмат?

– Да, но, это не важно. Меня интересует то, кто их вам сдал на продажу.

– Вы хотите сказать, что те шахматы у вас украли?

– Нет, я этого не хочу сказать. Понимаете, те шахматы я подарил своему другу детства. Я хотел узнать он вам принес их или нет.

– То есть вы не утверждаете, что те шахматы украдены.

– Я ничего не утверждаю. Я просто хочу найти их бывшего владельца и спросить у него.

Николай замялся. Продавец уловил растерянность Николая:

– Что спросить?

– Ну если это мой друг, то почему он их продал. Я уверен, что он не мог настолько нуждаться в деньгах, чтобы их продать.

Продавец устало выдохнул:

– Будем надеяться, что те шахматы не имеют криминального прошлого. Иначе будет брошена тень на репутацию нашего магазина.

– Я не хочу бросать никакой тени на репутацию вашего магазина. Мне важно знать, как найти того, кто принес эти шахматы на продажу.

– Молодой человек, подобную информацию мы предоставляем только по запросу следственных органов в установленном порядке. Частным лицам информацию о продавцах и покупателях антиквара мы не предоставляем.

– Покупателя я знаю. Это Виктор Петрович Звягинцев.

По лицу продавца проползла тень сомнения:

– Я вам этого не говорил.

– Он мне сам об этом рассказал. Еще он сказал, что вы с ним приятели.

– Вы хотите обратиться по этому поводу в милицию?

– Зачем? Виктор Петрович и мой приятель и я к нему претензий не имею. Я вообще ни к кому претензий не имею.

Вздых облегчения вырвался у продавца, а Николай продолжил:

– Я просто хочу найти друга детства. Понимаете, он живет в Москве, и я не понимаю почему он сдал на продажу шахматы здесь, а не в Москве. И я не понимаю зачем он их вообще решил продать.

– Вы знаете его московский адрес?

– Знаю.

– Так спросите его сами. Зачем вы меня впутываете в ваши отношения?

Николай печально посмотрел в глаза продавца и направился к двери. Уже взявшись за ручку двери он повернулся к продавцу:

– Скажите хотя бы это был мужчина моего возраста?

Продавец после недолгой паузы промолвил:

– Нет, это была женщина, за ее возраст мне трудно ручаться.

Сердце Николая оборвалось, в голове пронеслось:

– Значит все-таки Клара. Ну почему, почему так жестоко?

Продавец поинтересовался:

– Я вам помог.

Николай вздохнул:

– Да, спасибо.

Всю дорогу до дома Николай размышлял:

– Значит, правильно я не пошел к Никитиным. Ну, я дурак. Дурак упертый. Идиот. Проторчал три лишних года в армии, ради чего. Уперся как индюк – я своих друзей не предаю. Вот и не предал. А, кому это было нужно? Никому. Мне ведь по-хорошему говорили, что я там им не нужен, что я там просто мешаюсь. Сейчас бы я такого дурака не свалил как тогда. Что, и приполз бы к Никитиным на коленях и талдычил, что к Кларе никаких чувств не питаю? Да, проще повеситься, чем таким дерьмом оказаться. А может все не так? Может я себя зря накручиваю? Ведь это не Витька сдал шахматы в магазин. Может у него их украли? Может Звягинцев прав. Принесла в магазин какая-то женщина. Почему это должна быть Клара? А кто? Что хочешь сказать, что обнесли квартиру Никитиных и это сошло с рук? А, почему бы и нет? Ведь продали то шахматы не в Москве, а здесь, провинциальном городе, чтобы концы в воду. Ну и чего теперь делать? Ехать к Никитиным? Здравствуйте, я ваша тетя. Как же ждали они меня. Захотели бы сами приехали и навести нас. Им наш адрес хорошо известен. А, никто из них не приехал, ни тогда, когда я в армии был, ни потом. Значит правильно этот хмырь говорил. Гусь свинье не товарищ. Ну и пусть. Пусть им всем повезет, я за них только рад буду. Не пойду домой! Пойду в какой-нибудь кабак. Напиться хочу.

На утро Николай спускался по лестнице в своем подъезде. В голове бухало и гудело. Вспоминать вчерашний вечер не хотелось, но перед глазами вставали картины, связанные именно с ним. На встречу Хромову попалась Нина Степановна. Николай автоматически поздоровался и стал спускаться дальше. Нина Степановна остановилась и стала смотреть в спину Хромову осуждающе покачивая головой.

– Николаю вспоминались качающиеся стены домов, когда он возвращался домой. Вставали лица его вчерашних случайных собутыльников. Каждый из них что-то рассказывал другому, и каждый из них даже не пытался вникнуть в смысл рассказа другого. Они слышали друг друга только тогда, когда один из них предлагал долить в пивные кружки, стоящее перед ними на высоком столике, водку. На столе лежала газета, подмоченная пролитым пивом. На газете валялись остатки воблы. За соседними столиками картина мало чем отличалась. К потолку поднимался табачный дым. Сюда приходили выговориться. Рассказывать можно было все, как на исповеди. На завтра, никто из тех, кто был здесь накануне, не помнил, ни лиц тех, с кем пил, ни того, что ему рассказывали. Выговорившего не мучало раскаяние, что на следующий день ему кто-нибудь напомнит о его опрометчивых признаниях. Напоминать было не кому, и тем не менее оставалось ощущение, что душу свою человек облегчил.

Выйдя из подъезда Николай как-то резко ощутил, что пользы от него сегодня на работе не будет. Он представил себя сидящим за столом, неспособным не только думать, но просто сесть с чувством собственного достоинства. Он представил, как вокруг него суетятся в рабочем порыве его коллеги. Ему стало стыдно. В голове сквозь туман мелькнула мысль:

– Надо от Светы позвонить на работу, что на сегодня беру отгул. Надо спешить пока она еще не ушла на работу.

Он обогнал, неторопливо поднимающуюся по лестнице, Нину Степановну. Та на ходу что-то ворчала себе под нос. Свету он застал уже в дверях:

– Света, можно от вас позвонить?

– Только быстро Николай Федорович, а то я на работу опоздаю.

Трубку на другом конце не поднимали. Николай посмотрел на Светины ходики, висевшие на стене:

– Ну, конечно, еще из наших в такую рань никто не приходит. Ладно потом позвоню из автомата.

Он положил трубку:

– Извините Света, что задержал. Я пойду.

– Но, вы же не дозвонились Николай Федорович.

– Рано еще, на работе никого нет. Потом, попозже, из автомата дозвонюсь.

– А, вы что, на работу не пойдете?

– Нет, что-то неважно себя чувствую. Спасибо Света, еще раз извините.

– Может вам таблетку дать какую-нибудь?

– А у вас есть?

– Конечно. Вам от чего?

– Голова раскалывается.

– Тогда вам анальгин надо.

Через несколько секунд она ему вручила таблетку. Хромов засунул таблетку в рот и поблагодарил:

– Спасибо Света, извините, что задержал.

Дома Николай безвольно опустился на кухонный стул. Таблетка медленно, но верно начала действовать. Туман из головы стал уползать. Шум в ушах стал стихать. У Николая даже мелькнула мысль:

– Может все-таки пойти на работу. Ну, опоздаю немного, подумаешь.

Но, сознание уже позволило присутствовать еще одной мысли:

– Надо все хорошенько обдумать, чтобы никто не мешал. Что же теперь делать. Его воля стала тормозить ленивую усталость:

– Поставь чайник. Выпей чаю, легче станет.

Николай устало встал со стула и поставил на горящую конфорку газовой плиты чайник. При этом он про себя машинально отметил, что повторно на работу звонить еще рано. Кто-то в его мозгу противным голосом проверещал:

– Ну и что мы имеем с гуся? Какие свежие мысли нарыли? Никаких? Нет так дело не пойдет. Работа проделана большая, но дальше так дело не пойдет. Так, так друженько шевелим мозгами. Ну кто? Кто первый? Высказывайтесь, я записываю. Будем делать мозговой штурм. Как в старину, мужчины делали плезир, а дамы танцевали менуэт. Ну-ну энергичней давайте. Думаем, думаем.

Вмешался огорченный голос:

– Какая ерунда, какой бред в голову лезет. Так все успокоились. Никаких порывистых мыслей. Танцевать будем от печки.

Противный голос подытожил:

– От печки – так от печки. Где результат? Кончай дедукцию, давай продукцию.

Николай потер рукой лоб:

– Бредятина какая-то и ни одной нормальной мысли, от которой можно оттолкнуться. Так все. Сначала чай, потом видно будет.

Николай отхлебывал чай из своей большой кружки и смотрел в кухонное окно. В тишине отчетливо было слышно, как в подъезде с небольшими интервалами хлопает дверь. Его соседи шли на работу. По окну металась солнечные тени от качающихся во дворе деревьев. Он опять услышал вкрадчивый голос человека, с которым встретился в кабинете начальника первого отдела своей воинской части. Этот голос навязчиво посещал его много раз. Вместо лица говорившего с незапоминающимися чертами, осталось только белое пятно. Да, оно было и не важно Хромову, важны были слова, которые он говорил:

– Николай Федорович, вам не следует продолжать переписку с Кларой Александровной. Вы ее этим компрометируете перед ее женихом. Их ждет блестящее будущее, совместная работа за границей. А, вы пытаетесь отравить им жизнь. Да и Александру Ивановичу ваша переписка доставляет неприятности. Он достаточно много сделал для вашей семьи. Поимейте совесть. Оставьте Никитиных в покое.

Будка телефон-автомата была через два дома от дома Хромова. Дверца будки противно заскрипела и с грохотом захлопнулась. После гудков голос Олега безмятежно проговорил:

– Вас слушают.

– Привет Олег. Слушай я себя чего-то неважно чувствую. Напиши за меня отгул. Хочу отлежаться.

– Привет Коля. Слушай, тут тебя только что Звягинцев искал. Просил тебя зайти к нему, как только появишься.

– Не сказал зачем я ему нужен?

– Нет, просил просто тебя зайти. Ты если не придешь, позвони ему сам, чтобы я не работал испорченным телефоном. А отгул я тебе оформлю. Ты бюллетень брать не собираешься?

– Нет, у меня просто голова болит. С этим бюллетень не дают. Да у меня там переработок выше крыши. Отлежусь, завтра точно буду. Ну, пока.

– Пока. Звягинцеву позвони.

Звягинцев по телефону отозвался ровным голосом:

– Слушаю.

– Виктор Петрович, это Хромов. Я приболел немного. Можно за меня Прохоров отгул оформит.

– Что-то серьезное Николай Федорович?

– Нет, пустяки, голова разболелась. Мне Олег Иванович сказал, что вы меня искали.

– Искал. Извините за не скромный вопрос Николай Федорович, у вас голова разболелась не из-за посещения антикварного магазина.

– А, вы откуда знаете Виктор Петрович, что я в антикварном был?

– Мне вчера вечером продавец антикварного домой позвонил. Рассказал о вашем визите. Я вас собственно поэтому и искал. Помочь вам хочу. Но это не телефонный разговор.

У Николая мелькнуло в голове:

– А, вот и выход. Чего я сам то не додумался у него совета спросить? Петрович голова, плохого совета не даст.

Хромов с надеждой проговорил в трубку:

– Виктор Петрович, можно я к вам сегодня вечером домой зайду.

– Буду рад. Жду вечером.

Пазл 103. Никитины нашлись

Хромов с надеждой проговорил в трубку:

– Виктор Петрович, можно я к вам сегодня вечером зайду.

– Буду рад. Жду вечером.

Николай нажал на кнопку звонка в квартиру Звягинцева, а сердце его бухало от волнения, как паровой молот. Виктор Петрович, открыв дверь, сделал гостеприимный жест рукой:

– Проходите, Николай Федорович.

Пока Хромов раздевался в коридоре, Звягинцев хлопотал на кухне. Когда Николай заглянул на кухню, то увидел, что кухонный стол был сервирован на славу. Шпроты, в тарелках лежали нарезанные колбаса и красная рыба. На плите ворчала кастрюля, из которой доносился запах вареной картошки. Виктор Петрович извиняюще проговорил:

– Простите старика. Стол без изысков, не успел подготовиться, но посидеть нам хватит. Коньячка?

Николай смущенно покраснел и поставил на стол банку с солеными грибами:

– Извините Виктор Петрович, заставил вас суетиться после рабочего дня. Это грибы соленые, брат собирал. Каждую осень присылает.

– Что вы, что вы, Николай Федорович, не извиняйтесь. Мне старику гости в радость. Совсем меня никто не навещает, забыли. А, грибы мы обязательно попробуем. Так, что? Коньячка?

Николай неуверенно посмотрел на бутылку. Вчерашнее возлияние еще свежо было в памяти. Звягинцев продолжил:

– Понимаю, понимаю, но мы без фанатизма. Чувствую, нам сегодня без бутылки не обойтись. Потом чаю выпьем. Все как рукой снимет.

Николай безнадежно махнул рукой и сел за стол. Звягинцев весело произнес:

– Ну, за встречу, по маленькой.

Когда выпили он засуетился:

– Закусывайте, закусывайте, Николай Федорович.

Закусили, Звягинцев продолжил:

– Ничего не хотите рассказать Николай Федорович? Так сказать излить душу.

Николай затравленно посмотрел на Звягинцева:

– Хочу. Хотел у вас совета спросить. А с чего начать не знаю. Сложно все.

– Может еще коньячку, чтобы легче стало?

– Наверное. Правда я вчера перебрал, сегодня повторять вчерашнее не хочется.

Виктор Петрович наполнял рюмки:

– Но, поговорить то нам надо, поговорить придется. Я вчера с продавцом поговорил, и у меня сложилось ощущение, что у вас с Никитиными сложились какие-то очень непростые отношения. Федор Петрович очень тепло отзывался об Александре Ивановиче. А вы, как я понял, с ними уже давно отношения не поддерживаете. Хотя, казалось бы, вы с сыном Никитина в детстве дружили. И адрес их московский знаете. Казалось бы, чего проще у него самого поинтересоваться, что произошло с вашим подарком. Я понимаю, обидно увидеть, что вашим подарком пренебрегли. Но мне кажется, что тут все не так просто, как это кажется. Может я чем-то смогу помочь.

– Вы, как всегда, правы Виктор Петрович. Все не так просто.

– Так расскажите, легче станет, глядишь и придумаем чего вместе.

Николай недоверчиво посмотрел на Звягинцева:

– Я уже вчера рассказывал это все в пивной. Благо, никого знакомых не было.

– Что все так плохо?

Николай пожал плечами:

– Не знаю?

Звягинцев решительно продолжил:

– Скажите, вы хорошо относитесь к Никитиным?

Николай посмотрел на него глазами побитой собаки:

– Очень хорошо, Они хорошие, достойные и добрые люди. Много для нас и для меня лично сделали.

– Поясните. Вы к ним хорошо относитесь потому, что вы им благодарны?

– Ну и поэтому тоже. Но мы с ними дружили по-настоящему. Ну, вы понимаете.

Звягинцев попытался уточнить:

– А, потом они переехали в Москву и дружбе пришел конец.

– Нет. И я к ним в гости приезжал. И Александр Иванович, когда по делам бывал у нас в городе, к отцу заходил. Они всегда очень тепло расставались.

– Тогда что? Что произошло? Я не понимаю.

Николай замялся:

– Понимаете, когда я был в армии мне запретили переписываться с Кларой, дочерью Никитиных.

Звягинцев попытался докопаться до истины:

– Кто запрети? Ваш отец? Никитин?

Николай недовольно проворчал:

– Нет, не они. Другой человек. Я его не знаю. Он сказал, что я своей перепиской наношу вред Никитиным. В общем он из КГБ был.

Звягинцев удивленно выдохнул:

– Дела... И вы перестали переписываться?

Николай попытался объяснить:

– Да, не имел я возможности переписываться. Я даже с отцом переписываться не мог.

– Почему?

– Почта проверялась, как я понял. Просто мне перестали приходить письма, думаю и мои письма до Клары не доходили. На сколько я понял, все письма и от меня, и ко мне проверяли и задерживали. Я определенное время даже до почтового ящика добраться не мог.

– Как так?

– То на губе сидел, то вообще. А, ладно сложно объяснять.

– Ну, а когда вернулись из армии.

– Я вернулся из армии через пять лет. Перед самым моим увольнением мне сказали что Клара вышла замуж.

– Пять лет. На сверхсрочную остались?

– Можно и так сказать.

– А Федор Петрович, вам что сказал, по этому поводу?

– Мы с ним на эту тему не говорили.

– Почему?

– Он тоже думал, что я на сверхсрочной. Он даже обрадовался. Он все время хотел, чтобы я стал военным. Только это была не совсем сверхсрочная служба.

– А, что это было? Дисбат?

Николай обреченно махнул рукой:

– Нет, не дисбат. Меня тогда даже наградили. Отцу письмо благодарственное прислали, он мне показывал.

– Он мне рассказывал, удивлялся очень, почему вы орден не носите. Теперь понятно.

Николай подозрительно посмотрел на Звягинцева:

– Думаете вам понятно? Думаете мне орден дали потому, что я Кларе не писал.

– Не горячитесь Николай Федорович. Я этого не говорил, даже так не думал.

Николай как бы оправдываясь продолжил:

– Мне орден за участие в боевых действиях за рубежом дали. Хотя...

Николай задумался и

– Хотя я так и не понял, за что мне его дали, обещали награждать за каждое ранение.

Одно ранение у меня и было.

Звягинцев опешил:

– Как обещали награждать за ранение? Это ни в какие рамки не укладывается. Это цинично. Штрафные батальоны в войну были, но это была вынужденная мера. А, сейчас то зачем?

Николай безразличным голосом подтвердил:

– А, так. Награда только за ранение, ну посмертно тоже награда. Такой контракт. Я вынужден был его подписать.

Звягинцев был совсем ошарашен?

– А, что же это было? Это что же, за контракт, за такой?

Николай поморщился:

– Как-нибудь в другой раз расскажу.

– А почему же вы с отцом не поговорили Николай Федорович?

– Не знаю, не получалось. Мы, когда с вами от отца возвращались, я всю дорогу размышлял, почему я ему все не рассказал. Что я ему тогда сказать был должен? Я подписку дал и не одну, что о своей службе никому не расскажу. Спросить его как поживают Никитины? Так я из разговора с братом понял, что связь оборвалась. Что отцу сердце то было рвать?

– Да, вы Хромовы народ щепетильный, до ужаса. Федор Петрович тоже стесняется вам рассказывать о себе. А, стесняться ему нечего, поверьте. Его биографией гордиться надо. Это я вам точно говорю. Ладно. Потом об этом поговорим. Сейчас нам что делать?

– Я поэтому и пришел к вам Виктор Петрович, что не знаю. Думал вы посоветуете.

Звягинцев задумался. Через некоторое время он спросил:

– Вы московский адрес Никитиных помните?

– Конечно.

– Диктуйте.

Когда Звягинцев, нацепив очки на нос, записал адрес, Николай поинтересовался:

– Вы хотите по своим каналам узнать о Никитиных.

– А зачем нам какие-то там каналы? Могу я навестить фронтового товарища? Могу. Сам поеду.

– Виктор Петрович, я вас озадачил своими проблемами.

– Нет, Коля, я сам хочу с Никитиным повидаться, и совсем не потому, что надо в этой истории разобраться. Нет, и поэтому, конечно, тоже. Просто, мало нас осталось на этом свете. Хоть перед смертью свидеться. Может он меня и не помнит. Но, это неважно.

Николай вздрогнул. Звягинцев его в первый раз назвал просто Колей.

Вернулся Звягинцев через несколько дней и вызвал к себе Николая в кабинет. Николай открыл дверь его кабинета, с надеждой в глазах. Когда он вошел Виктор Петрович сказал по селектору:

– Зиночка, меня ни для кого нет.

– Виктор Петрович, вам чая или кофе?

– Спасибо Зиночка ничего не надо.

Звягинцев хмуро посмотрел на Хромова:

– Садитесь, Николай Федорович.

Николай с тревогой опустился на стул, а Виктор Петрович продолжил:

– Запишите новый адрес Никитиных, Николай Федорович.

– Они переехали?

– Они разменяли квартиру.

– Разменяли? Почему?

Звягинцев потянулся под стол и достал бутылку водки и три граненых стакана:

– Умер Александр Иванович.

– Как умер?

Звягинцев уже наливал водку по стаканам:

– Так. Умер. Не молодые мы уже. Инфаркт.

Виктор Петрович посмотрел на Хромова, достал буханку черного хлеба и отрезал от нее складным ножом три ломтя. Один ломоть хлеба он положил на стакан:

– Давай выпьем за него. Пусть земля ему будет пухом.

Не дожидаясь Николая опрокинул свой стакан в рот. Николай тоже опорожнил свой стакан и всхлипывая, стал размазывать слезы по лицу. Один стакан, накрытый ломтем черного хлеба, остался на столе. Звягинцев снова налил в стаканы водки и молча выпил. Помолчал и глядя в сторону продолжил:

– Пришел я по тому адресу, который ты мне дал Николай Федорович, а мне говорят, здесь такие не живут. Спрашиваю, давно не живут. Да уж лет семь как съехали. Новый адрес Никитиных не знают. Подключил свои связи. Узнал, оказывается после смерти Александра Ивановича, Никитиных попросили съехать с квартиры. Дом, в котором они жили, не простым оказался. Ну правда, помогли им с квартирой. Площадь даже больше оказалась, чем в той которой они жили. Но не центр. А, уж потом они ту квартиру на две разменяли. Что не спрашиваешь, кто куда разъехался?

Николай вытер лицо от слез и забормотал:

– А, чего спрашивать? Сами скажете.

– Квартиру разменяли на две. В одной осталась Елизавета Дмитриевна, в другой Виктор Александрович с женой.

Николай не выдержал:

– А, Клара?

Виктор Петрович хмуро посмотрел на Николая:

– Тебя же, Николай Федорович, вроде Виктор Александрович интересовал. Или я ошибся?

Николай в упор посмотрел на Звягинцева тяжелым взглядом:

– А, Клара?

Звягинцев глядя в окно понюхал краюху хлеба стал ее жевать:

– Я сначала, когда адреса узнал, хотел к Виктору сразу поехать. Спросить его почему он ваш подарок продал. Но потом решил сначала вдову навестить. Как ни как, она жена моего боевого товарища.

Виктор Петрович замолчал. Положил остатки черного хлеба на стол и продолжил:

– Мы вместе с ней на кладбище съездили. Нам теперь только и остается, что на кладбище с друзьями и товарищами встречаться.

Николай с дрожью в голосе спросил:

– Как она? Как Елизавета Дмитриевна?

– Ничего она. Чувствуется в молодости красавицей была. Посидели мы с ней поговорили. Она меня поначалу чуть не выгнала, когда узнала, что это ты мне адрес дал.

Николай затравленно молчал, глядя на Звягинцева. Тот продолжил:

– Теперь о Кларе. Когда ты ей писать перестал, за ней какой-то хлыщ из их института увивался. Он и принес Никитиным весть, что тебя убили, при выполнении интернационального долга.

– Как убили? Я же живой!

– А вот так. Повез Клару на твою могилу.

– Какую могилу? Где?

– В вашем городе.

– Чудеса! Она ведь могла к нам домой заехать и узнать, что я живой. Мое командование нам домой сообщало что я жив, только писать не могу, по соображениям секретности.

А, она приезжала, разговаривала с Федором Петровичем, он мне сам рассказывал. Интересно почему ты писать перестал. Он ей рассказал, что ты не пишешь потому, что интернациональный долг исполняешь?

Николай изумился:

– А как же могила?

– А могилу, как я понял тебе организовали позже и уж потом ее на твою могилу привезли.

Видимо не простой это был товарищ, который все это провернул. Он Кларе и отца твоего показал. Федор Петрович тогда в военном госпитале лежал. Сказал ей, что не надо тербеть отцовских ран, и тревожить его. Вот так-то. Она как вернулась, так сразу разругалась и с отцом, и с матерью, и съехала жить к подруге. Вскоре у Александра Ивановича неприятности на работе начались. И все, инфаркт.

– А, Клара?

– На похоронах отца была, сказала чтобы ее не искали, и исчезла. Потом уже от ее подруг узнали, что институт она окончила с красным дипломом и получила распределение за границу в какое-то наше посольство. На письма не отвечала. Такие вот дела.

Николай потупился, а Звягинцев продолжил:

– Теперь о Викторе. Он закончил институт, женился. Квартиру разменяли. В одной живет Елизавета Дмитриевна, в другой – Виктор с женой. Я шахматы оставил Елизавете Дмитриевне. Прости, Николай Федорович, не хотел я дальше в их душевных ранах ковыряться.

– Не выгонит меня Елизавета Дмитриевна, если я к ней нагряну?

– Не знаю, Коля. Сам решай, ехать тебе к ней или нет. Адрес я тебе конечно дам, но решай сам. Наворочали вы дел.

– Кто мы?

– Она думает что вы, Хромовы, все это организовали. Она ведь Федору Петровичу телеграмму дал о смерти Александра Ивановича. А он не только на похороны не приехал, но и открытку не чиркнул.

Николай насупился:

– От Никитиных к нам, с тех пор как я в армии был, ничего не поступало. Ни писем, ни открыток, ни телеграмм. Я все перерыл. Все письма и открытки у нас в доме хранятся, их не выбрасывают. Думал если Клара мне не пишет, может Никитины отцу пишут. Ничего нет. А, отец если бы даже сам при смерти был, на похороны Александра Ивановича все равно поехал.

– Зная Федора Петровича, думаю ты прав. Выходит, круто вас всех кто-то взял в оборот. Не понятно зачем. Ладно. Думаю, со временем разберешься. А, может и нет. Если это контора, то там умеют дела обтяпывать и тайны свои хранить. Вроде все рассказал.

Пазл 104. Тенерифе

Через месяц Люба торжественно положила Хромову на стол загранпаспорт. Первыми в Испанию поехали Олег и Татьяна. Вслед за ними вместе с семьями поехали еще несколько сотрудников за границу. Люба приходила в отдел Хромова и сокрушенно сообщала фамилии новых счастливицев. Но, равнодушные Николай к загранпоездкам было не пробиваемым. Наконец она поставила Николая перед фактом, положив ему на стол две путевки на Тенерифе:

– Лично Виктор Петрович вам выделил. Хотите его обидеть, идите и откажитесь.

Николай зашевелил губами, шепотом произнося ругательства и наконец выкрикнул:

– У меня работа, очередной этап через день сдавать надо.

Люба развела руками:

– Сдавайте себе на здоровье, поездка то через неделю.

Олег шлепнул рукой Николая по плечу:

– Не ерещься Коля. Все мы сделаем как надо. Не волнуйся, поезжай с чистым сердцем.

Люба его поддержала:

– Николай Федорович, вы слышите, что вам умные люди говорят.

Николай махнул рукой на этот совершившийся факт и в прямом, и в переносном смысле:

– Да, делайте вы, что хотите, только не мешайте работать.

Мысли о работе его не оставляли до последнего. Только по прилете в аэропорт Тенерифе Николай стал интересоваться тем куда они прибыли.

Хромов долго ругался с невозмутимым администратором на ресепшене Иберостара. Люба с удивлением смотрела на то как Хромов легко разговаривал с администратором по-английски. Не смотря на все усилия Николая, убедить администратора заселить их Любой в разные номера, заселили их все-таки в один номер. Расселение в разные номера требовала серьезной доплаты, к которой Николай внутренне не был готов. Деньги у него были, но расходовать их так бездумно ему не позволял отпечаток предыдущего жизненного опыта. Понятие, деньги на ветер, приобретенное еще в коммуналке, держало Николая железной рукой. Николай вынужден был примириться с ожидающими его неудобствами совместного пребывания в номере вместе с Любой, решив, что с этой проблемой он все-таки справится. Когда они поднимались в номер, Люба округлив глаза от удивления тихо спрашивала:

– Коля ты откуда так английский знаешь?

Николай раздраженно буркнул:

– Учителя были хорошие.

Люба достаточно быстро оставила надежду приручить Николая в постели. При малейших ее поползновениях наладить сексуальные отношения, Николай ей задавал всего один вопрос:

– Люба, просто покажи мне место, где я смогу спокойно выспаться.

Люба надувала губы и отвечала:

– Да, ложись ты на кровать. Я тебя насиловать не собираюсь.

Она разработала иной план завоевания сердца Николая. Она решила стать для него незаменимой. Вскоре этот ее план начал давать свои плоды. Николаю, пришлось признать, что присутствие Любы рядом с ним имеет свои большие плюсы. Сам бы он, наверное, просто пролежал в номере все свое пребывание на острове. Именно Люба уговорила его поехать на вулкан Тейде и другие экскурсии. Именно Люба вытаскивала его на пляж и к бассейну отеля. И это неожиданно для него самого это доставляло Николаю удовольствие. Николай, что называется, был легким на подъем. Но, опыт проведения отдыха на курортах, у него отсутствовал начисто. Наконец, Николай, совершенно искренне, признался самому себе, что Любе удалось прекрасно организовать их отдых. Отдых был одновременно и беспечный, и познавательный. Вечером они обычно отправлялись в бар отеля. Николай непринужденно болтал за стойкой бара с барменом

и пробовал местные коньяки. Люба, устав его упрашивать пойти с ней потанцевать, спустилась на танцевальную площадку. Танцевальный зал, живописно открывался из бара и бал расположен в большом вестибюле этажом ниже. Люба наслаждалась танцами под живую музыку с другими партнерами. Собственно, то что Хромов неотрывно торчал в баре и стало причиной одной из тем его разговоров с барменом. Когда Люба после безрезультатных уговоров Николая составить ей пару в танцах, отошла от стойки бара, бармен удивленно поинтересовался на русском:

– Вы русские?

– Да.

Бармен мешая английский и русский затараторил, что ему позарез необходима практика разговорного русского языка. Объяснял он это тем, что он его положение бармена значительно упрочится, если он в совершенстве овладеет русским. Николай усмехнулся и на английском предложил бармену практику на разговорном русском взамен на практику на разговорном испанском. Этому они дружески рассмеялись и приступили к расширению своих языковых познаний. Мимоходом наблюдая за Любой, Николай сделал несколько небольших житейских открытий. Первое открытие относилось к самой Любе.

Надо признать она пользовалась успехом у мужчин. Как она преодолевала языковой барьер, для Николая, наблюдавшего за ней от барной стойки, оставалось загадкой. Для себя он сделал вывод, что ей это удавалось достаточно легко. Второе открытие заключалось в том, что все посетители танцпола, танцевали на редкость, стереотипно. Что бы не играли музыканты, вальс, фокстрот или танго, па и темп танца посетителей оставался одним и тем же. Заученными были и их улыбки. Наконец, Николай сделал вывод, что у всех у них был один и тот же учитель, а здесь они сдавали ему может зачет, может экзамен. Все посетители были примерно одного возраста, чуть выше среднего. Участвовать в этом шоу манекенов у Николая не было ни малейшего желания. Люба была среди них, пожалуй, единственным исключением. Двигалась она в танце не так умело, как остальные, но выглядела среди них живой и естественной. Это был и ее козырь, и, одновременно, недостаток. Мужчины чопорно смотрели на ее раскованность в танце, явно боялись ее приглашать, и с нескрываемой завистью смотрели на тех, кому посчастливилось пригласить ее на танец.

В этот вечер Николай поразил бармена своим выбором. Он заказал чай. Бармен прекрасно помнивший, что Николай предпочитает коньяки другим напиткам, стал его переспрашивать. Но, Николай подтвердил свой выбор, на английском, немецком и французском языке. Сомнение в правильности его действий было написано на лице бармена, когда он подал Николаю поднос с чайником и чашкой. Он натянуто улыбнулся, когда Николай его поблагодарил и наполнил чашку чаем. Он стал с недоверием наблюдать, как Николай с удовольствием пьет чай, явно не понимая произошедших в Николае перемен. Это он выразил в короткой русской фразе:

– Почему сегодня чай? Мани проблем? Деньг нэту?

Бармен сделал характерный жест пальцами. Николай его успокоил и продемонстрировал ему купюры. Бармен поднял в удивлении брови и спросил по-русски:

– Тогда почему?

Николай чуть не рассмеялся:

– Дуг мой, ты думаешь, что русские изо дня в день пьют водку? Нет. Русские пьют то, что им по душе. Жарко, пьют квас.

Бармен непонимающе опустил брови:

– Что есть такое квас?

– Ну, как тебе объяснить.

Николай, в поисках ответа, защелкал пальцами и увидел банку пепси-колы и указал на нее пальцами:

– Вот, пепси-кола. Так вот пепси-кола против кваса просто ерунда.

Бармен недоуменно повторил:

– Ерунда? Что есть ерунда?

Николай попытался объяснить:

– Нафинг, нонсенс.

Николай улыбнулся, на него нахлынули воспоминания:

– Квас у нас продают в бочках. В России из него окрошку делают.

Бармен недоверчиво смотрел на Хромова:

– Окрошка? Что есть окрошка?

Николай с мечтательным выражением на лице пытался как мог, объяснить. Закончил он свои объяснения словами:

– Ну ты понял?

Бармен озадаченно покачал головой. А, Николай продолжил:

Сегодня мне по душе чай.

– Что есть – мне по душе?

Николай наморщил лоб:

– Ми густа.

Бармен удивленно поднял брови:

– А-а-а.

Николай добавил:

– Тем более, что алкогольные напитки, которые я повезу друзьям, я уже выбрал. Так что выбор сделан, пить можно меньше. Знаешь, а у нас чай пьют из самоваров. Вернее, раньше пили. У нас дома тоже был самовар, мы его на шишках грели.

Бармен радостно закивал головой:

– Самовар. Йес, йес. Я видел в журнале. Русские из самовара водку пьют.

Николай чуть не подавился от смеха:

– Водку? Ха-ха-ха. Нет дружище, из самоваров пьют чай.

Бармен снова сделал удивленное лицо.

В это время и появилась дама в манто с представительным кавалером. Они шли к лестнице, спускавшейся в танцзал. Николай видел только их спины. Они уже были шагах десяти от стойки бара, когда Николай почувствовал толчок в груди и неожиданно для самого себя крикнул:

– Клара!

Он вскочил со своего места и направился к паре. Первым отреагировал спутник дамы. Он обернулся, посмотрел на Николая, что-то шепнул на ухо своей спутнице и преградил путь Николаю. Дама по-царски независимо, не оборачиваясь продолжила движение. Николай еще раз выкрикнул:

– Клара!

Дама не обернулась, а ее кавалер обратился к Николаю на английском:

– Что вы хотите от моей жены.

Николай хмыкнул и продолжил по-русски:

– Ее, ведь, зовут Клара?

Спутник женщины продолжил по-английски:

– Не понимаю.

Николай вышел из себя:

– Не понимаешь? Дипломат хренов, быстро же ты русский забыл. Хорошо.

Дальше Николай тоже перешел на английский:

– Вашу жену зовут Клара?

Музыка остановилась и весь танцзал смотрел снизу вверх на Николая и его визави. Смотрела на них и женщина, внимание которой пытался привлечь Николай.

– Какое вам дело, как зовут мою жену? Кто вы такой? Что вы себе позволяете?

Николаю было достаточно одного взгляда на женщину, чтобы понять, что он непростительно ошибся. Возбуждение покидало его, как вода разбитую чашку. Он смущенно забормotal по-английски:

– Простите. Простите пожалуйста. Я обознался.

Николай медленно стал пятиться назад к бару. Но, ответное возбуждение уже овладело его соперником. Он сделал ложный вывод, приняв отступление Николая за проявление слабости. Как овечка почувствовавшая свое преимущество в столкновении с волком, начинает бодать его неокрепшими рожками, так и противник Николая перешел в наступление. Он схватил Николая за локоть:

– Этого недостаточно. Тебе придется публично извиниться передо мной и моей женой. Сумел публично наругать, имей смелость публично в этом признаться и извиниться.

Николай смущенно залепетал:

– Да, конечно. Вы правы. Спасибо что даете мне шанс загладить свою вину. Только отпустите, я сам пойду.

Но, мужчина с суровым лицом не выпускал его руки:

– Иди. Не дергайся.

Когда они достигли середины лестницы, мужчина дернул его за руку:

– Извиняйся!

На трех языках, Николай громко, с нотками раскаяния, произнес:

– Я был не прав. Прошу прощение у Вас...

Николай кивнул головой в сторону удерживавшего его мужчины и его спутницы

– и у всех присутствующих за доставленное беспокойство.

Визави Николая победно и гордо смотрел на окружающих. Но, чувство меры ему изменило. Он оттолкнул от себя Николая и раскланялся и победно поднял правую руку. Раздались аплодисменты. Николай потеряно стал подниматься по лестнице. В этот момент он и почувствовал удар ногой в ягодицу и услышал слова:

– Русским свиньям не место в приличном месте.

В Николая вернулся автоматизм юношеских драк. Улыбка превосходства еще не слетела с лица мужчины, когда его лицо встретилось с мрамором лестницы. И почти сразу он услышал зловеший шепот Николая на английском:

– Теперь твоя очередь, британская крыса извинится. Готов? Готов я спрашиваю?

Но, мужчина все еще приходил в себя, пытался понять как он оказался лицом на полу:

– Это что такое? Что происходит?

– Он скашивал глаза пытаясь увидеть Николая.

– Учю тебя хорошим манерам, недоумок. Готов принести извинения?

Побежденный сдавленно произнес:

– Да. Готов.

Совершенно невообразимым для него образом, мужчина принял снова вертикальное положение. Он еще вращал как рак глазами и хватал ртом воздух, когда Николай встретился взглядом с уже стоявшей напротив него спутницей его противника:

– Прошу прощения мадам. Я конечно виноват в произошедшем. Еще раз приношу вам свои извинения. Но, ваш муж начисто лишен благородства и великодушия. Я вам искренне сочувствую. Хотел его поучить хорошим манерам. На его счастье вы оказались рядом. Я не намерен ставить вас в неудобное положение. Можете дать мне пощечину, похоже я ее заслужил.

Женщина смотрела на Николая расширенными глазами и молчала. В молчании застыла и публика внизу. Николай громко произнес:

– Еще раз приношу свои извинения за испорченный вечер и свое поведение.

Николай предал женщине руку мужчины и направился назад к бару. На лице Николая было написано разочарование и огорчение. Николай поднес к губам чашку чая, Рука мелко дрожала, и он с досадой поставил чашку на стойку бара. Бармен ему заговорщически посочувствовал:

– Обознался русский? Бывает. Висе мы люди, нам свойственно ошибаться.

Николай виновато улыбнулся:

– Извини друг, все настроение пропало, я пойду, пожалуй.

Николай положил на стойку купюру и проговорил по-русски:

– Сдачи не надо.

Бармен потеряно ответил:

– Грасия сеньор.

Хромов подошел к лифту и нажал на кнопку. Через некоторое время он выругался:

– Когда придет этот чертов лифт?

В это время в стеклянных дверях отеля показались полицейские. Хромов посмотрел в сторону бара и увидел своего недавнего противника, призывно размахивающего рукой рядом с баром. Николай двинулся к полицейским:

– Господа! Господа, полицейские, остановитесь. Я думаю вы за мной.

Хромов протянул полицейским руки, чтобы они защелкнули на них наручники.

В полиции Николаю пришлось ждать, когда примут заявления у потерпевших. Наконец и до него дошла очередь. Полицейский положил руку на листки протоколов потерпевших лежавших на столе и произнес на английском:

– Ну рассказывайте.

Николай побоялся продемонстрировать свои познания в испанском, и продолжил на английском:

– Признаюсь, я виноват.

Полицейский оживился и крикнул своему коллеге возившемуся у кофеварки:

– Карлос, ты слышишь, он сознался, что виновен. А, мы хотели его отпускать. Мы слышали, что ты русский, парень.

– Русский.

– Ничего себе. Ну, продолжай.

Николай по возможности начал излагать случившееся:

– Мне показалось, что я встретил знакомую. Окликнул ее. Ну, в общем вел себя неприлично. Я извинился, а этот англичанин все-таки дал мне ногой под зад. Я может и это бы стерпел, но он вдобавок обозвал меня русской свиньей. Тут уж я не сдержался. Виноват.

Полицейские смотрели на Николая серьезно и с сожалением. Наконец Карлос сказал:

– А, я бы тоже врезал этому англичанину. Представляешь, он нам тут пытался угрожать, и учить жизни. Меня тошнит от надменных рож этих британцев. Представляешь, амиго, они у нас оттяпали Гибралтар, и ходят здесь, в Испании, как ни в чем ни бывало. Этот гад написал, что ты был в стельку пьян. Ну мы в баре поинтересовались, что ты пил. А, бармен нам сказал, что ты пил только чай. Мы даже засомневались, может ты не русский.

Николаю второй раз за этот день пришлось опровергать устоявшееся клише:

– А что, по вашему, русские должны не просыхать от водки?

Карлос, изображая недопонимание закатил глаза к потолку. Николай продолжил:

– Не хотелось мне сегодня спиртного, а захотелось чаю, очень захотелось.

– Ты не переживай, амиго, его жена оказалась нормальной в отличии от этого уroda. Написала, что ты хороший парень, и ни в чем не виноват, а виноват ее муж-козел. Ну значит так, ты молодец, русский. Мы тебя отпускаем.

Карлос открыто улыбнулся:

– Я бы с тобой выпил.

И тут же весело рассмеялся:

– Но, только не чай.

Николай радостно пожал плечами:

– В чем дело, я уже созрел для настоящей выпивки.

Карлос толкнул своего напарника в плечо:

– Фернандо, доставай бутылку.

Сдвинули маленькие стеклянные стаканчики. Николай вздохнул. Карлос весело отреагировал:

– Что, Николос, мало? А, правду говорят, что все русские могут выпить полный стакан водки?

– Про всех не знаю. А, я могу, и не один, это достаточно просто.

– Покажи!

Николай скорчил рожу:

– Карлос, понимаешь, в России не принято пить за чужой счет. Это считается плохим тоном. У нас, в России, это называется, халява.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.